
ГЛАВА I

«СЛИШКОМ САМ ПО СЕБЕ» СКЛАДЫВАНИЕ УЧЕНОГО (А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ РУБЕЖА ВЕКОВ)

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 г. Его отец был предводителем уездного дворянства; первые годы Александр Сергеевич провел в атмосфере старого помещичьего дома, где получал с самого раннего возраста всестороннее домашнее образование. Полугодовая поездка семьи в Швейцарию также способствовала развитию юного ума. В это время к Александру Сергеевичу приходит то блестящее знание иностранных языков, которое его всегда отличало, и самое главное: юный А.С.Лаппо-Данилевский впервые приобщается к европейской культуре — эту культурную сопричастность он пронес через всю жизнь. В 1882 году А.С.Лаппо-Данилевский закончил с золотой медалью симферопольскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.¹

Среди университетских преподавателей А.С.Лаппо-Данилевского были известнейшие ученые: М.И.Владиславлев, В.Г.Васильевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, Н.И.Кареев, Е.Е.Замысловский, О.Ф.Миллер, П.В.Никитин, И.В.Помяловский, Ф.Ф.Соколов, И.Е.Троицкий.

А.С.Лаппо-Данилевский сразу обратил на себя внимание профессоров. Особенно теплые отношения сложились у него с К.Н.Бестужевым-Рюминым, В.Г.Васильевским и О.Ф.Миллером. Его научным руководителем стал профессор Е.Е.Замысловский.

В своей автобиографии ученый указывает, что уже в гимназические годы он «несколько знакомился с философией по труду Льюиса, с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота» «обнаружил склонность к изучению первобытной культуры и античного мира».² В студенческие годы изучение проблем философии и древнейшей истории остается важной частью занятий начинающего ученого. Об этом свидетельствуют темы его студенческих сочинений: «История развития государственных форм правления в важнейших государствах древней Греции» (1882), «Краткий обзор нравственного состояния Римского на-

рода в первые времена империи. Лукреций и содержание его поэмы» (1882), «Разбор II и III-й главы соч. Ф. де Куланджа» (1883).³

В университете А.С.Лаппо-Данилевский обращается к занятиям русской историей, которая стала основной сферой его научной работы. Сам ученый объясняет обращение к русской проблематике «влиянием известных представителей историко-юридической школы — Б.Н.Чичерина, А.Д.Градовского и других».⁴ Среди студенческих работ А.С.Лаппо-Данилевского, посвященных русской истории, следует назвать: «Несколько сведений, сообщенных иностранными писателями о Северо-Западной России и отношении ее к Западу» (1883), «Из старинных сношений России с Западной Европой» (1884), «Дворники Московского государства за XVII столетие» (1885), «Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича» (1885), «Литовские и казацкие воровские шайки в первое десятилетие царя Михаила» (1886), «Разбой и разбойники первой половины XVII столетия в Московском государстве» (1886).⁵ Уже на первые студенческие работы А.С.Лаппо-Данилевского появилось несколько журнальных рецензий.⁶ Нетрудно заметить, что в центре внимания А.С.Лаппо-Данилевского с самого начала присутствуют две основные темы — «изучение московского государственного строя»⁷ и изучение процесса иностранного влияния на русскую культуру в XVI—XVIII вв. Обе темы остаются центральными для него и по окончании университета.

Вообще научные интересы студента А.С.Лаппо-Данилевского были очень обширны. Достаточно сказать, что его перу принадлежит «Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома» (1882).⁸ Энциклопедическая образованность ученого — это то, что за ним признавали и поклонники и непримиримые оппоненты, такие как известный историк-марксист М.Н.Покровский, объявивший беспощадную войну «историческому идеализму».⁹

Неудивительно, что с таким интеллектуальным багажом А.С.Лаппо-Данилевский быстро занял лидирующее положение в студенческой научной среде. Поступив в университет, А.С.Лаппо-Данилевский сразу же активно включился в деятельность образованного по инициативе А.Ф.Гейдена в 1882 г. студенческого Научно-литературного общества. Общество возглавлялось профессором О.Ф.Миллером. Активными членами Общества становятся студенты С.Ф.Платонов, И.М.Гревс, С.Ф.Ольденбург, В.И.Вернадский, В.Г.Дружинин, Д.И.Шаховской, Н.Д.Чечулин, Е.Ф.Шмурло и другие в будущем знаменитые ученые.¹⁰

На одном из первых заседаний Общества А.С.Лаппо-Данилевский выступил с речью программного характера, посвященной задачам студенческого объединения. На этой речи (конспект которой сохранился в архиве) следует остановиться подробнее, так как в ней были заключены те принципы научной работы и ее организации, которые стали впоследствии своеобразной «визитной карточкой» А.С.Лаппо-Данилевского в научном мире: «Позвольте мне, господа, сказать Вам несколько слов о том общем деле, которое соединяет нас сегодня и, надеюсь, долго будет соединять нас». Общая цель собравшихся, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, — товарищеское единение на научной почве. Смысл этой идеи

разъясняется через этическое долженствование: «Я должен мыслить правильно, а потому и должен стремиться к научному мышлению. Но идея долга, хотя бы и научного долга, крепнет в общественной атмосфере, взаимно усматривая друг в друге так же этически-научное настроение, каждый гораздо сильнее испытывает его». Далее А.С.Лаппо-Данилевский отмечал: «Методически правильная научная мысль, конечно, будет обращаться и к обсуждению самых разнообразных тем; в научном мировоззрении должны будут найти себе место и те из них, которые ближайшим образом касаются студенческой жизни; в широком научном освещении они, конечно, потеряют свой исключительный интерес, но выиграют в понимании». Эти слова показывают, какую значительную культурную и социальную роль студент А.С.Лаппо-Данилевский отводил науке. «Единство общества, — продолжал А.С.Лаппо-Данилевский, — достигается в его деятельности как таковой. Надобно, чтобы эта деятельность обнаруживалась в живой работе. Данная общественная организация, умение ее выработать и служить ей — есть само по себе уже и общественное дело, хотя бы и скромное». Для успеха Общества, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, необходимо «взаимное доверие членов друг к другу в широком (философском) смысле», «общий культурный фонд, основанный на общности некоторых элементов», «взаимное уважение к индивидуальности каждого из нас... Терпимость. Надо терпеть друг друга». «Мы затеяли общество, но мы должны суметь выработать в нем общие жизненные правила, которые прочно связывали бы его членов, общую традицию, которая установила бы тесную связь между старыми и новыми членами, надо не только выработать начала, но развить их и сохранить от временных и случайных опасностей, как внутренних, так и внешних».¹¹ Эти мысли об общности задач научного познания, об общественной значимости и этической универсальности научного знания будут путеводными для А.С.Лаппо-Данилевского в его научной и общественной деятельности.

В 1885 г. А.С.Лаппо-Данилевский был зачинателем и руководителем (секретарем) «Научного отдела» Общества,¹² а значит координатором его научной деятельности, поскольку, согласно уставу Общества, в обязанности научного отдела лежала вся организация занятий.¹³ В его записях сохранился план его занятий по трем секциям: 1) естественнонаучной, 2) исторических наук, 3) литературы.¹⁴ И.М.Гревс вспоминал, что А.С.Лаппо-Данилевский был основателем специального исторического кружка в недрах общества, в среде которого и начал свои беседы по методологии истории.¹⁵ Члены Научного отдела также ежемесячно по своей специальности обязаны были давать отзывы о новых книгах и сообщать «научные новости». В обязанности Научного отдела входило предварительное рецензирование студенческих рефератов, читаемых в общем собрании Общества, а на секретаре лежала обязанность составления общей программы занятий.¹⁶ По-видимому, именно в это время А.С.Лаппо-Данилевский, впоследствии известный как «присяжный оценщик» сочинений по русской истории, приобрел вкус к рецензионной работе. Деятельность Общества была прервана по политическим мотивам в 1887 г.¹⁷ — одним из активных его членов был Александр Ульянов (являвшийся секретарем его естественной секции)¹⁸.

Наиболее крупным трудом в области древней истории, созданным А.С.Лаппо-Данилевским в студенческие годы, стало обозрение «Скифские древности», которое вскоре было напечатано имп. Русским археологическим обществом в своих «Записках» и вышло отдельным изданием.¹⁹

Среди откликов на «Скифские древности» (1887 г.) наиболее интересны критическая статья Ф.Г.Мищенко и короткая рецензия П.Н.Полевого. Статья профессора Казанского университета Ф.Г.Мищенко содержала резкую критику этого исследования. Ее основная мысль сформулирована Ф.Г.Мищенко в самом начале: «Молодостью — неопытностью автора... следует объяснять, как частные недостатки исследования, так и неудачу, которая по нашему мнению, постигла попытку его разрешить одну из труднейших и сложнейших проблем в начальной истории юга России». Рецензент обвинил А.С.Лаппо-Данилевского в отсутствии добросовестной и последовательной критики материала, его «предварительной и тщательной обработки».²⁰ Методика молодого автора, который хотел рассмотреть предмет исследования одновременно с этнографической, топографической и хронологической точки зрения, применял «косвенный путь» исторической реконструкции, метод построения аналогий,²¹ осталась для критика совершенно неясной. П.Н.Полевой, в целом положительно оценивая труд А.С.Лаппо-Данилевского, упрекал автора с противоположных позиций, критикуя его за «юношеский и совершенно излишний педантизм», выраженный в стремлении «все доказывать» и быть «чересчур точным в исследовании».²²

Таким образом, уже в оценках этой первой крупной работы А.С.Лаппо-Данилевского проявился тот подход, который был характерен для всего последующего критического восприятия творчества ученого в исторической литературе: упреки в «чрезмерной теоретизированности» исследовательских изысканий и, с другой стороны, в «чрезмерной аргументированности» научных построений. Причина этого видится в особом отношении ученого к задачам своей деятельности, к тем целям, которые он перед собой ставил. Можно констатировать, что уже в ранних работах А.С.Лаппо-Данилевский стремился сочетать тщательные источниковедческие изыскания в традициях петербургской школы со смелыми приемами исторического синтеза.

А.С.Лаппо-Данилевский задержал предоставление кандидатской диссертации («Скифские древности»), а потому кандидатская степень ему была присвоена уже по окончании университета решением совета факультета 20 сентября 1886 г. Уже на следующем заседании совета (4 октября) по предложению Е.Е.Замысловского А.С.Лаппо-Данилевский был единогласно избран «оставленным при университете».²³ Темой магистерской диссертации А.С.Лаппо-Данилевского стали русские финансы XVII в., ее название — «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований».

Поступив в магистратуру и выдержав магистерский экзамен (1888),²⁴ А.С.Лаппо-Данилевский входит в корпорацию петербургских историков 1880—1890-х гг. От того, как сложатся его отношения с коллегами, зависело многое в судьбе ученого, выбор стратегии жизненного и научного пути.

Как было показано выше, вопрос о значении петербургской исторической школы для российской гуманитарной науки обсуждается в течение длительного времени. Повторим, что А.Е.Пресняков в 1918 г. дал определение этой школы как «школы восстановления прав исторического источника и факта вне зависимости от историографической традиции».²⁵ С тех пор большинство авторов рассматривало петербургскую школу с точки зрения ее методологической позиции в российской науке. Поэтому вопрос о методологии истории петербургской школы и ее эволюции является ключевым для нашего исследования.

Попытаемся условно и схематично наметить путь развития этой научной школы, что возможно сделать только сопоставлением этой ученой корпорации с московской школой. Первый этап развития петербургской школы (1840—1890-е гг.) связан с именами ученых ее первого и второго поколений. Рассматривая «признаки нарождающейся петербургской исторической школы», С.Н.Валк противопоставлял развитие исторической мысли в Санкт-Петербургском университете, проходившее под влиянием М.С.Куторги, направлению московских профессоров во главе с Т.Н.Грановским. Представители этих двух направлений ставили различные задачи перед исторической наукой, что обусловило и отличия в научно-методологическом аппарате двух формирующихся исторических школ. Общественно-политические взгляды, господствовавшие в среде московской профессуры, определяли «нравственный подход» к истории, ее понимание роли исторической науки как принесение общественной пользы.²⁶ В силу этого московская историческая школа неизбежно встала на путь концептуального осмысления российской и мировой истории. Детальное же изучение исторических фактов и научно-критическая работа с историческими источниками часто вынужденно отступали на второй план. При этом заслуги первого и второго поколений московской исторической школы очевидны и общепризнанны. К ней принадлежали Т.Н.Грановский, С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич, В.О.Ключевский, другие крупнейшие историки. В 1840—1880-е гг. в трудах этих исследователей была разработана государственная теория, которая сыграла центральную роль в развитии отечественной исторической науки. Крупнейшими представителями следующего поколения московской школы были ученики В.О.Ключевского — П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер, М.Н.Покровский, М.М.Богословский, Ю.В.Готье, С.В.Бахрушин и еще целый ряд видных историков конца XIX — начала XX вв. В.О.Ключевский и представители его школы в значительной степени преодолели ограниченность историко-юридического подхода к рассмотрению национальной истории. Обратившись к изучению социально-экономической проблематики и введя в научный оборот большой круг исторических источников, В.О.Ключевский и его ученики придали новое звучание государственной теории. Таким образом, научная деятельность представителей московской исторической школы в области концептуального анализа русской истории оказала определяющее влияние на формирование дискурса отечественной исторической науки второй половины XIX — начала XX вв.

Строгий правительственный контроль над столичным университетом в николаевскую эпоху менее всего способствовал развитию концептуального осмысления исторического процесса в его стенах. Такое положение объективно подталкивало петербургских историков к углубленной разработке другой стороны исторического знания — научно-критической работе с историческими источниками.²⁷ Большую роль в формировании системы источниковедческих приемов исследователей петербургской школы сыграла немецкая историческая школа и присущий ей научно-критический метод. С XVIII в., с эпохи А.-Л.Шлецера, в Российскую Академию наук были перенесены немецкие источниковедческие традиции, которые поддерживались в ней несколькими поколениями ученых (Ф.И.Круг, Е.Е.Кёлер, Х.Д.Френ и др.). Не случайно именно Академия способствовала созданию в 1834 г. Археографической комиссии (на базе Археографической экспедиции П.М.Строева, начатой в 1829 г.), первоочередной задачей которой стало издание источников по русской истории.

Таким образом, в 1840—1860-е гг. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Академия наук и Археографическая комиссия стали институциональной основой формирования петербургской исторической школы. Среди ученых, которых наряду с М.С.Кутургой можно причислить к ее первым представителям, следует назвать профессора М.М.Стасюлевича, академиков А.А.Куника, И.И.Срезневского, Л.Э.Стефани, Я.И.Бердникова, П.М.Строева, А.Ф.Бычкова и других видных историков середины — второй половины XIX в.

Творчество второго поколения историков петербургской школы приходится на 1860—1890-е гг. В это время научно-критический метод одержал окончательную победу в стенах Санкт-Петербургского университета. Ко второму поколению петербургской школы можно отнести: В.В.Бауэра, Ф.Ф.Соколова, Е.Е.Замысловского и других петербургских профессоров того времени. Несомненными лидерами этого поколения были В.Г.Васильевский и К.Н.Бестужев-Рюмин.²⁸ С.Ф.Платонов, описывая методологию источниковедческой работы В.Г.Васильевского, отмечал: «<...> эта сторона его ученого таланта, можно сказать, сверкала как грань алмаза», он использовал источник «до последней мелочи».²⁹ Одним из первых представителей петербургской исторической школы в области русской истории был К.Н.Бестужев-Рюмин. По словам того же С.Ф.Платонова, он также «считал важнейшей задачей ученого изучение первоисточника и критику его показаний» и способствовал «утверждению этого взгляда среди других историков петербургского университета».³⁰ Таким образом, утвердив научно-критический метод в качестве базового в историческом исследовании, второе поколение петербургской школы так и не пришло к формулированию целостной системы методологии истории.

Именно в этом нам видится основная причина того, что, несмотря на очень корректные и благожелательные личные отношения со старшими коллегами в профессиональном плане, А.С.Лаппо-Данилевский очень

рано дистанцируется от своих профессоров. О руководстве своей работой со стороны Е.Е.Замысловского А.С.Лаппо-Данилевский отзывался, например, следующим образом: «Замысловский продолжает меня мучить и порою доводит до болезненного отупения. А еще предлагает вместе предпринять какую-нибудь работу, напр[имер] в роде Аделунга, который будто бы устарел! Я ему чуть в лицо не расхохотался! Переливать из пустого в порожнее, да еще в такой дикой компании, прошу покорно! а?... Впрочем он человек добрый и по своему хороший, только как говорят французы il a la vertu rénable [он добродетелен поневоле. — *Е.Р.*].³¹ Характерно высказывание А.С.Лаппо-Данилевского о петербургском научном мире в письме П.Н.Милюкову (декабрь 1889 г.): «Должно быть слепну от нестерпимого блеска бесконечного количества светил, рассеянных на петербургском небе. Правда, что при ближайшем знакомстве с последними многие напоминают пустые оловянные посудины; ну, да что же делать и где же их нет? Одно из этих светил совсем меркнет; ваш друг Замысловский серьезно болен... Жаль все-таки, он хоть и не был, м[ожет] б[ыть], на своем месте, но все же добрым был человеком».³²

Итак, основным пунктом, который разделял А.С.Лаппо-Данилевского с его университетскими коллегами, было его отношение к теории истории. Уже в университетские годы в целом определился широкий теоретический, философский взгляд А.С.Лаппо-Данилевского на задачи истории, которая воспринималась им как неразрывная часть научного познания. Для молодого ученого узкий специальный взгляд на науку был неприемлем. В этой связи уместно привести цитату из письма А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Вернадскому (вторая половина 1880-х гг.): «Что же касается до меня, то я конечно сторонник общего образования. Если Моира предопределила мне долгую жизнь, то я и думаю ее разделить на три периода: первый посвящаю специальности; второй кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным); третий — знанию вообще... Этим делением я не рассекаю своей умственной жизни на три бессвязных части, а рассматриваю ее как союз трех рядов знания, которые с статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической — в виде взаимодействия трех обратно-пропорциональных прогрессий».³³ Таким образом, само занятие «историческим ремеслом» имело в его представлении подготовительный характер по отношению к его будущей творческой деятельности. В определенной степени А.С.Лаппо-Данилевский даже тяготился той ремесленной исторической работой, которой не мог дать достаточного философского основания. В этом смысле характерно одно из писем А.С.Лаппо-Данилевского М.А.Дьяконову, написанное в период работы над «Организацией прямого обложения...»: «Что Вам сказать о собственном жалком существе? Находится оно не в особенно веселом расположении, чувствует себя не у дел. Горько видеть, что негде и не к чему приложить свои силы или скорее, что нет возможности приложить их к тому делу, к которому их подготавливал. Я иной раз даже думаю, стоит ли все свои силы окончательно повязать русской историей и оставаться на веки вечные чернорабо-

чим? Нельзя ли взглянуть выше и шире? И сейчас же браню себя и упрекаю в ребяческой заносчивости и невыдержанности. Я за эти последние месяцы совсем себя в кабалу отдал русской истории, а между тем иногда до болезненности чувствую, что моя духовная жизнь не может этим удовлетвориться. Скорее бы кончить эти несносные финансы, да подвинуть хотя бы на пядь мой опыт теории общественной науки. Этот опыт все зреет, да никак не дозреет, а между тем некоторые мои догадки могут быть открыты другими, что уже отчасти и случилось, или вместе со мною канут в вечность». ³⁴ Схожие мысли находим и в другом письме А.С.Лаппо-Данилевского (февраль 1891 г.): «Для меня теоретические вопросы все-таки главная сторона моего существования и я даже в этот тяжелый год продолжаю ими заниматься контрабандой: я чувствую, что именно в такие минуты я живу наилучшей своей духовною жизнью. Я должен иметь или религию, или философию (а не простой кодекс нравственных правил) и без них не могу себе представить своей жизни. Но религию в обыденном, обрядовом смысле я утерял. На смену явилась другая религия под названием философии. Я вовсе не претендую решить те или другие вопросы, но не могу не решать их. В самом процессе такого решения я чувствую некоторое повышение моего духовного уровня и даже иной раз в нем ищу прибежища в тяжкие минуты, и не только ищу, но и нахожу. Реальной т[ак] ск[азать] подкладкой моих рассуждений пока служит теория обществоведения, о которой я, быть может, лет через 10-15 и выпущу то что надумал и записал (план у меня уже отчасти складывается). Но и теперь я заглядываю дальше и шире. А между тем о такого рода вопросах здесь не с кем переговорить; с Бестужевым[-Рюминым] можно и я недавно еще говорил; но он все же старик и мы довольно разных мировоззрений, так что всего ему высказать нет возможности не оскорбивши его внутреннего чувства». ³⁵

Вообще из историков старшего поколения у А.С.Лаппо-Данилевского, по-видимому, наиболее близкие отношения действительно сложились именно с К.Н.Бестужевым-Рюминым, который, хотя и оставил кафедру русской истории в 1884 г. Е.Е.Замысловскому, не порывал связи с университетом. Судя по переписке А.С.Лаппо-Данилевского, с ним одним молодой ученый мог обсуждать вопросы теории истории, делиться своими планами. Следует подчеркнуть, что хотя К.Н.Бестужев-Рюмин живо интересовался вопросами философии истории (ему была близка историософия Н.Я.Данилевского), очевидным было отсутствие у него методологического аппарата, который служил бы связующим звеном между его методическими и историко-теоретическими взглядами. Кажется неслучайным, что К.Н.Бестужев-Рюмин возлагал надежду на разработку теоретических основ исторической науки на представителя следующего поколения школы — А.С.Лаппо-Данилевского. ³⁶

Ко второму этапу эволюции петербургской исторической школы (1890-е — начало 1920-х гг.), т.е. к представителям ее третьего и четвертого поколений, с нашей точки зрения, можно отнести, кроме А.С.Лаппо-Данилевского, Е.Ф.Шмурло, Н.Д.Чечулина, В.Г.Дружинина, Н.П.Лихачева, А.А.Шахматова, С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-

Сильванского, И.М.Гревса, Б.А.Тураева, М.И.Ростовцева, С.А.Жебелева, Э.Д.Гримма, М.Д.Приселкова и других. В этой связи закономерным кажется вопрос, в какой степени философский подход к историческому знанию А.С.Лаппо-Данилевского нашел понимание и поддержку у этих новых поколений школы?

О том, как складывались отношения А.С.Лаппо-Данилевского с большинством его коллег по историко-филологическому факультету, уже в начале 1890-х гг. свидетельствует одно из его писем М.А.Дьяконову (май 1891 г.): «На нашем факультете из старых профессоров — Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела. А из молодых у меня душа ни к одному не лежит, и как подумаешь во что превратился факультет — то и не особенно весело становится». ³⁷ Центральной в этой сфере является проблема взаимоотношений А.С.Лаппо-Данилевского с профессором С.Ф.Платоновым, которая неслучайно давно привлекала внимание историографов. ³⁸ Для уяснения характера отношений историков и основанных ими научных школ попытаемся реконструировать картину научного и личного общения ученых.

По-видимому, А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов познакомились в первой половине 1880-х гг. в студенческом Научно-литературном обществе. С руководителем общества профессором О.Ф.Миллером у обоих молодых ученых сложились хорошие отношения. В январе 1883 г. С.Ф.Платонов писал К.Н.Бестужеву-Рюмину: «Ваши вторники [собрания у К.Н.Бестужева-Рюмина. — *Е.Р.*] до некоторой степени возмещаются мне четвергами Ореста Федоровича [собрания Общества. — *Е.Р.*].» ³⁹ В другом письме тому же адресату он отмечал: «Если не ошибаюсь, то хорошо ко мне относится О.Ф.Миллер, и я люблю этого человека, хотя и чужд его мировоззрению». ⁴⁰ А.С.Лаппо-Данилевский в 1886 г. был среди тех, кто подписал адрес в честь 25-летия научной деятельности О.Ф.Миллера. ⁴¹

В студенческом Обществе довольно скоро сформировались два разных по составу и по характеру отношений между их членами неформальных кружка: Кружок русских историков и Ольденбургский кружок («Приютинское братство»). Особое значение в жизни историко-филологического факультета кружки приобрели в 1887 г., когда официальное Научно-литературное общество было закрыто. Кружок русских историков возник в среде старшего поколения участников Научно-литературного общества. Он вырос из числа студентов, посещавших еще «вторники» К.Н.Бестужева-Рюмина и «среды» Е.Е.Замысловского. ⁴² Ольденбургский кружок более связан с поколением середины 1880-х гг. ⁴³ Если Кружок русских историков по преимуществу занимался научными проблемами, то Ольденбургский кружок был скорее дружеским союзом единомышленников, чем ученым обществом. Хотя оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционно настроенными студентами во главе с А.И.Ульяновым, ⁴⁴ их политическая окраска была разная: Кружок русских историков склонялся к умеренному консерватизму, тогда как Ольденбургский

кружок посещали либеральные интеллектуалы. Лидерами Кружка русских историков были С.Ф.Платонов, И.А.Шляпкин и В.Г.Дружинин, а в «Приютинском братстве» главенствовали С.Ф.Ольденбург, Д.И.Шаховской и И.М.Гревс.

Если для С.Ф.Платонова круг «Приютинского братства» всегда оставался чуждым, то А.С.Лаппо-Данилевский, несмотря на то, что, по словам А.Е.Преснякова, «был слишком “сам по себе”, чтобы всецело войти в какую-либо кружковую организацию»,⁴⁵ посещал оба кружка. Об участии А.С.Лаппо-Данилевского в Кружке русских историков, в который входили, помимо лидеров, Н.Д.Чечулин, М.А.Дьяконов, Е.Ф.Шмурло, С.М.Середонин и другие известные петербургские историки,⁴⁶ упоминал сам С.Ф.Платонов. Кружок русских историков, как правило, собирался на квартире В.Г.Дружинина. Но письма А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствуют, что в конце 1880-х гг. он бывал также запросто и на квартире С.Ф.Платонова на правах доброго знакомого.⁴⁷ Н.Н.Платонова (жена историка) отмечала в своем дневнике, что в то время с А.С.Лаппо-Данилевским у них были очень «хорошие отношения».⁴⁸ По-видимому, у участников кружка существовал обычай направлять друг другу шуточные послания в «древнерусском» стиле, которые сохранились в архиве С.Ф.Платонова. Одно из них было составлено А.С.Лаппо-Данилевским в декабре 1887 г. и адресовано С.Ф.Платонову: «Государю моему Сергею Федорову сыну, сирота твой Александрец челом бьет...».⁴⁹ В августе 1889 г. А.С.Лаппо-Данилевский благодарит С.Ф.Платонова за поздравление с собственными именинами, о которых он сам позабыл.⁵⁰ О теплых отношениях между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым в конце 1880-х гг. свидетельствует и переписка С.Ф.Платонова с М.А.Дьяконовым, где А.С.Лаппо-Данилевский фигурирует в качестве одного из ближайших к С.Ф.Платонову лиц.⁵¹ Однако того дружеского сближения до конца жизни, которое произошло у А.С.Лаппо-Данилевского с участниками «Приютинского братства», с кругом С.Ф.Платонова и самим С.Ф.Платоновым не последовало.

С.Ф.Платонов был учеником К.Н.Бестужева-Рюмина, А.С.Лаппо-Данилевский — Е.Е.Замысловского. Направление научных занятий обоих в начале их исследовательской деятельности было связано с научными интересами их руководителей, однако и тот и другой впоследствии отрицали сколько-нибудь значительное влияние учителей на методологию их работы. Однако если А.С.Лаппо-Данилевский вообще не называл никого из своих профессоров в числе ученых, оказавших на него влияние, то, по признанию самого С.Ф.Платонова, наибольшее влияние на него оказал В.Г.Васильевский.⁵² Следует отметить, что, по-видимому, у С.Ф.Платонова сформировались несколько более теплые, чем у А.С.Лаппо-Данилевского, отношения со старшим поколением историков.⁵³ Неслучайно С.Ф.Платонов, в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского, органично вписался в научную среду петербургского университета и стал лидером поколения петербургских историков 1880-х гг. Кроме свойств характера, умения наладить диалог и черт научного лидера успеху С.Ф.Платонова способствовало и то, что его научное мировоззрение органично было свя-

зано со старыми петербургскими научными традициями.⁵⁴ Задача систематизации методов исторического исследования, выработанных петербургской школой, была решена С.Ф.Платоновым прагматически, в целях создания прочной основы для исторического построения. Так, С.Ф.Платонов намеренно упрощал понятие «исторический источник», сводя его к «письменному остатку старины».⁵⁵ Источники подразделялись им на летописные и юридические, а критика источника на внешнюю и внутреннюю. Внешняя критика предусматривала рассмотрение внешней формы источника и отвечала на вопрос о «подделке», понятие которой, естественным образом, противопоставлялось понятию «подлинности». Внутренняя критика включала в себя «критику текста» и «критику факта». Критика факта имела целью установление истинности показаний источника. Эта задача решалась путем выявления «угла зрения», с которого данный источник был создан.⁵⁶ Из понимания С.Ф.Платоновым задач «внешней критики» источника и «критики текста» вытекало требование детального археографического описания источника. В своих «Лекциях по русской истории» С.Ф.Платонов допускал «построение общей схемы» того или иного исторического процесса, но только там, где «факты уже собраны и освещены»⁵⁷, и категорически отказывался понимать историю как «науку о законах исторической жизни человеческих обществ».⁵⁸ В представлении лидера петербургской исторической школы «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ».⁵⁹ При таком подходе методология исторического построения и синтеза фактически выводилась за пределы теоретической регламентации и оставалась сферой индивидуального творчества исследователя, а методологические задачи эмпирического направления петербургской школы не выходили за пределы методических указаний и выработки правил работы с источником материалом. С этой точки зрения, вполне объяснимо и то, что методика исторического источниковедения С.Ф.Платонова по ряду ключевых положений была близка к системе источниковедения В.О.Ключевского,⁶⁰ хотя для школы последнего и был характерен совершенно отличный от «платоновского» социологический подход к задачам исторического построения.⁶¹

Согласованные действия К.Н.Бестужева-Рюмина, Е.Е.Замысловского и В.Г.Васильевского сыграли особую роль в карьере С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского: благодаря поддержке этих ученых старшего поколения оба они в разное время были оставлены при университете для подготовки к профессорской деятельности, а после защиты магистерских диссертаций получили курсы на кафедре русской истории.

Характер отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым стал меняться с момента организации Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.⁶² Оно было задумано в марте 1889 г. группой историков-преподавателей столичных учебных заведений, в которую первоначально входили В.Г.Васильевский, А.Н.Веселовский, Е.Е.Замысловский, Н.И.Кареев, В.И.Ламанский, И.П.Минаев, С.Ф.Пла-

тонов, Ф.Ф.Соколов, Г.В.Форстен и Е.Ф.Шмурло. На этапе формирования к ноябрю 1889 г. к ним присоединилось еще 19 человек, в том числе А.С.Лаппо-Данилевский. Таким образом, группа членов-учредителей Общества состояла из 29 человек.⁶³

Основным автором устава Общества⁶⁴ был Н.И.Кареев, хотя активное участие в его составлении принимали и деятели Кружка русских историков во главе с С.Ф.Платоновым.⁶⁵ Устав содержал довольно расплывчатые положения относительно целей Общества, но очень четко определял его организационную структуру. Цели Общества, согласно уставу, сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Устав предусматривал создание сильной административной основы формирующейся организации — избранный комитет должен был приобрести почти неограниченные права внутри Общества,⁶⁶ в том числе комплектоваться фактически за счет кооптации заранее определенных членов, давать предварительные заключения по поводу программ будущих сообщений, т.е., по существу, определять темы для выступлений, заранее рассматривать и выносить суждения (фактически — решения) по всем предложениям, исходящим от членов Общества, контролировать прием в него новых членов, заведовать доходами и публикацией трудов Общества. Поэтому первые заседания, носившие организационный характер, предreshали многое в формулировании основных направлений и определении характера деятельности Общества. В таких условиях особое значение имела судьба первого комитета, избранного собранием членов-учредителей.

Первое собрание и вместе с ним формальное учреждение Общества состоялось 26 ноября 1889 г. Начальное формирование комитета общества носило драматический характер. В.Г.Васильевский, будучи признанным лидером петербургской школы и фигурой, объединявшей представителей как всеобщей, так и русской истории, мог стать единственным реальным конкурентом на выборах председателя Общества его основному организатору Н.И.Карееву. Несмотря на то, что на заседании 26 ноября В.Г.Васильевский отсутствовал, С.Ф.Платонов и другие члены Кружка русских историков выдвинули его кандидатуру и большинством голосов выбрали на пост председателя; тогда же был избран комитет в составе С.А.Бершадского, В.Г.Васильевского, В.Г.Дружинина, Н.И.Кареева, С.Ф.Платонова, Г.В.Форстена и Е.Ф.Шмурло.⁶⁷ И хотя по предложению И.М.Гревса была выражена «благодарность Н.И.Карееву, по инициативе которого возникло Общество и который наиболее хлопотал о его устройстве»,⁶⁸ конфликт этим не был исчерпан. Роль С.Ф.Платонова в этой ситуации выглядела двусмысленно в глазах не только И.М.Гревса, но и А.С.Лаппо-Данилевского. В начале декабря он написал П.Н.Милюкову: «Председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К^о) избран Васильевский». ⁶⁹ О дальнейшем развитии конфликта свидетельствует протокол второго (экстренного) общего собрания членов-учредителей,⁷⁰ состоявшегося 6 декабря 1889 г. В.Г.Васильевский заявил, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обя-

занностей между его членов, он слагает с себя возложенное звание».⁷¹ За председателем в отставку подал весь комитет. После проведения повторных выборов (В.Г.Васильевский был избран без баллотировки) комитет был избран почти в прежнем составе (только вместо В.Г.Дружинина был избран Н.А.Меншуткин), затем В.Г.Васильевский и С.Ф.Платонов отказались от звания членов комитета. Вместо них были избраны В.Г.Дружинин и А.С.Лаппо-Данилевский. Н.И.Кареев же получил председательское место; товарищем председателя был выбран историк государственного права С.А.Бершадский. А.С.Лаппо-Данилевский занял один из ключевых постов секретаря Общества. На третьем заседании (26 декабря 1889 г.) новый председатель выступил с программной речью.⁷² В ней проявились отголоски научных противоречий, которые обнаружились в период первых организационных заседаний Общества. Н.И.Кареев признал, что значительная часть избранных членов Общества, помимо членов-учредителей, «была приглашена им» и что они в большой степени сочувствовали одной «частной цели», а именно «идее о разработке теоретических вопросов исторической науки, так как мне, по роду моих занятий, эта разработка была бы наиболее желательна; кроме того, многие лица с особым сочувствием отнеслись к обсуждению в наших собраниях вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием истории в учебных заведениях». ⁷³ Далее Н.И.Кареев остановился на «словах сомнения и недоверия», которые он слышал «от некоторых лиц, присутствующих на сегодняшнем заседании»: «По поводу разработки теоретических вопросов исторической науки как одной из задач Общества говорилось, что едва ли она пойдет успешно и что потому едва ли следовало включать ее в устав как самостоятельную задачу Общества: указывалось именно на то, что серьезно и ex professo [со знанием дела. — Е.Р.] теоретическими вопросами истории почти никто не занимается, что занятие ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что в результате может от этого получиться только одна потеря времени без всякой пользы для науки».⁷⁴

Можно предположить, что в этих словах отразились научно-мировоззренческие позиции участников, которые в негативном плане могут быть представлены как эмпирическая направленность научных занятий представителей петербургской школы (В.Г.Васильевский, С.Ф.Платонов и его кружок) и социологическая заданность теоретических построений Н.И.Кареева. В этом смысле кандидатура А.С.Лаппо-Данилевского, выдвинутого на один из руководящих постов в обществе, была компромиссной в двух отношениях: еще будучи студентом, А.С.Лаппо-Данилевский обращался к Н.И.Карееву по вопросам теории исторического знания; с другой стороны, в то время он посещал Кружок русских историков и сохранял научную близость с В.Г.Васильевским до конца его жизни. Но кроме личного момента, принимались во внимание и теоретические устремления А.С.Лаппо-Данилевского: свои источниковедческие исследования, связанные с подготовкой магистерской диссертации «Организация прямого обложения...», он сочетал с разработкой теории и методологии истории, что, хотя бы и формально, было близко интересам Н.И.Кареева.⁷⁵

Занятия теорией истории в 1890-х гг. вообще имели и некоторое политическое звучание, поскольку были напрямую связаны с западной теоретико-исторической мыслью. Поэтому с культурной точки зрения эмпирические («источниковедческие») традиции петербургской школы отчасти были связаны с некоторой «аполитичностью», вызванной положением столичного университета.⁷⁶ С конца 1890-х гг. эта традиция петербургской школы начала преодолевать: соответственно политическим предпочтениям новое поколение ее представителей разделяется на консервативный и либеральный политические лагеря, хотя отчетливой границы между этими лагерями и не было. Характерно, что в первом доминировали «эмпирики», во втором преобладали «строители систем». С.Ф.Платонов относился к первому лагерю, А.С.Лаппо-Данилевский — ко второму.

Через два года после защиты диссертации С.Ф.Платоновым (1888), 9 мая 1890 г. состоялся магистерский диспут А.С.Лаппо-Данилевского. «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» распадается на пять глав, введение и заключение. В основу структуры положен формальный принцип последовательного описания финансовых институтов Московского государства.⁷⁷ Прежде всего следует остановиться на общем принципе изложения А.С.Лаппо-Данилевского, который в той или иной степени характерен для большинства его работ, в том числе и для «Организации прямого обложения...». Автор в начале предлагает определенный идеологический стержень — некий концептуальный постулат, вокруг которого группируются факты, раскрывающие его содержание. Хотя большинство положений его исторической схемы отвечало общим установкам юридической школы, очевидно, что такая система изложения была не более чем методологическим приемом, тем каркасом, на котором основывалось историческое построение. Конкретные факты, конструируемые за ними выводы иногда входили в открытое противоречие с первоначально заявленным постулатом. Материал как бы рассматривался по отношению к определенной концепции.

Общая схема этой книги такова: под влиянием внешней угрозы в XVII веке происходит усиление роли государства в жизни общества, что выражается в усилении фискальной системы, рассмотрение которой становится, таким образом, наиважнейшей задачей историка. В соответствии с этой схемой А.С.Лаппо-Данилевский представляет финансовую систему как репартиционную и связывает с этим утверждением свои частные выводы.

Источниковая база построения А.С.Лаппо-Данилевского включала в себя весь опубликованный к тому времени материал нормативного и частно-актового характера, связанный с практикой системы налогообложения русского государства второй половины XVI — XVII веков. Все изложение А.С.Лаппо-Данилевского основывается на анализе конкретных источников, их индивидуального значения.

На основании актового и законодательного материала А.С.Лаппо-Данилевский начинает изучение вопроса о распределении бремени подат-

ной системы между отдельными классами населения, в центре его внимания оказывается финансовое положение представителей конкретных социальных групп по отношению к государству. В результате А.С.Лаппо-Данилевский проводит четкую границу между тяглым и служилым классами, подводя каждую из социальных категорий населения страны под одно из этих сословий.⁷⁸ Таким образом, начальная установка на четкое деление общества в соответствии с его обязанностью перед государством на податное и служилое сословие наполняется конкретным содержанием. Наиболее яркой в первой главе является реконструкция внутреннего мира крестьянской и посадской общины. Через призму податных обязанностей А.С.Лаппо-Данилевский на материалах порядных, данных, поручных, нормативного материала восстанавливает конкретные отношения внутри общины: вопросы выбора общинного самоуправления, приема и изгнания из общины, взаимоотношений и сложной структуры дифференциации крестьян и бобылей, тяглецов и служилого люда, выборов церковного начальства и т.д. Принцип анализа материала, выбранный историком, — юридический, статус конкретного лица рассматривается в контексте его принадлежности к финансово-юридической структуре: северной черносошной общине, южным военным колониетским поселениям (однородческим общинам), центральным селам, разным категориям посада, церковным приходам, монастырским и частновладельческим вотчинам, дворцовым хозяйствам и т.п. В результате А.С.Лаппо-Данилевский создает сложную гамму из тончайших оттенков юридического статуса тяглого человека и взаимоотношений между ними. В заключении, сведя восстановленные таким образом факты в систему, он приходит к общим выводам, рисуя картину развития посадской и сельской общины в пространстве и времени и выделяя ту доминирующую линию этого развития, которая отвечала его государственно-юридической концепции.

С источниковедческой точки зрения примером филигранного анализа и построения являются разделы книги, посвященные технологии налогообложения, в котором А.С.Лаппо-Данилевский выделяет два момента: правительственный расклад и мирскую раскладку. Прежде всего, автор подробно анализирует такие источники, как дозорные, переписные и писцовые книги, с одной стороны, как исторические источники, с другой — как финансовые инструменты податной системы. Главной заслугой А.С.Лаппо-Данилевского была систематизация податных единиц в соответствии с податными объектами и субъектами податного обложения: определение размеров сохи, выти, живущей четверти, подворной подати в соответствии с социальным и юридическим статусом налогооблагаемого населения и видом налога. На основании источниковедческого анализа А.С.Лаппо-Данилевский приходит к системе выводов об эволюции единиц податного измерения, их соотношения между собой и по отношению к объектам налогообложения. Общий исторический вывод не выходит за рамки положения о репартиционной системе, но частные наблюдения, лежащие в его основе, о смене сохи живущей четвертью и затем подворной податью являются оригинальным результатом исследо-

вания. При этом здесь как раз тот случай, когда частные предположения автора противоречат общей линии. В своих предположениях А.С.Лаппо-Данилевский исходит из того, что введение живущей четверти отражало, с одной стороны, процесс усиления репартиционного начала в податной системе, связанного с презрением выгод частных интересов в пользу государства. Но, с другой стороны, на основании анализа источникового материала автор приходит к выводу о связи этих изменений с подъемом благосостояния общины и стремлением правительства восстановить хозяйство после Смуты. Любопытной особенностью книги является то, что она пытается рассмотреть частные стороны системы налогообложения в их эволюции, что усложняет восприятие читателем эволюции всей системы, но в то же время позволяет выделить главные черты в отношении отдельных ее сторон и в итоге представить «идиографическую» фиксацию системы налогообложения в целом для XVII века.

Нельзя не отметить, что, поскольку все изложение А.С.Лаппо-Данилевского построено на анализе отношений между конкретными плательщиками и фискальными органами государства, то проблемы государственного налогообложения преломляются через призму частных проблем, целей, жизненных установок средневекового человека. Подробная юридическо-социальная дифференциация населения выявляет мельчайшие особенности отношения данного индивида к средневековому социуму. Одним из примеров, иллюстрирующих эту методологическую позицию А.С.Лаппо-Данилевского, может служить описание мирской раскладки: показываются отношения человека внутри общины, отношения между рядовыми членами общины и мирским советом, порядок выборов местного самоуправления: старост, целовальников, окладников, судеек, сотских и т.п. Через описание развода и разруба воспроизводится и та моральная атмосфера, которая царила в общине, показывается психология общинного коллектива, направленная против «чужаков» — беломестцев, против разбогатевших и желавших выделиться из общины сотоварищей, рассматривается и семейное положение общинников, зорко отслеживавшееся со стороны «мира», который вмешивался в своих интересах в частную жизнь отдельных семей.

«Организация прямого обложения...» написана в период увлечения А.С.Лаппо-Данилевского позитивистской философией истории. Систему податных обязанностей А.С.Лаппо-Данилевский рассматривает как историческое следствие векового взаимодействия целого ряда сил, размеры и свойства которых определялись местными условиями и специфическими чертами данного национального типа. Причинно-следственную связь А.С.Лаппо-Данилевский также понимает в позитивистском плане, сравнивая эволюцию налоговой системы с развитием клетки. Однако эти общие установки не влияют на методы исторического изучения, используемые в работе: на основании источниковедческого анализа и «индивидуализирующего» исторического построения А.С.Лаппо-Данилевский формулирует частные выводы, которые связывает с юридической концепцией. Такой подход предопределил как сильные, так и уязвимые стороны труда А.С.Лаппо-Данилевского, которые использовали в дальнейшем его критики.

В своей вступительной речи на диспуте А.С.Лаппо-Данилевский главное внимание уделил методологии своего исследования. Он исходил из представления об истории как о науке, которая изучает явления развития, обнаруживаемые во взаимодействии живых индивидуумов. Разумный выбор той или иной группы вопросов для изучения, на взгляд А.С.Лаппо-Данилевского, зависит не столько от отвлеченных рассуждений об истории вообще, сколько от особенностей исторического развития той национальности, которая служит предметом изучения. Так как А.С.Лаппо-Данилевский считал, что временем, наиболее характерным для раскрытия национальных черт, является XVII век, а в XVII веке наибольшую важность имела финансовая система государства, прежде всего система налогообложения, а в системе налогообложения — система прямого обложения, то он и сосредоточил свои усилия на изучении истории этого вопроса, имея в виду высокие цели изучения русского национального типа. Рассматривая в качестве элементов своей работы разные стороны финансовой системы, А.С.Лаппо-Данилевский замечает, что в разное место и время эти явления входят в различные соотношения, что он и пытался показать в своей работе. На основании подобного рода эволюционного рассмотрения А.С.Лаппо-Данилевский пришел к следующим выводам. Первое — ко второй половине XVII века происходит более резкое разграничение тяглого и служилого класса и более четкое определение различия между крестьянским и посадским сословиями. Второе — в мирской раскладке произошли принципиальные изменения: усиление местного самоуправления и ослабление власти воевод. Третье — сословно-территориальный принцип взимания налогов постепенно сменяется целевым. Не трудно заметить, что второй вывод А.С.Лаппо-Данилевского явно выпадал из его общей государственно-юридической доктрины, но зато органично вписывался в конкретную систему отношений, раскрываемую «Организацией прямого обложения...».

Оппонентами А.С.Лаппо-Данилевского стали главные действующие лица недавнего конфликта в Историческом обществе — Н.И.Кареев и С.Ф.Платонов. Предвосхищая ход диспута, С.Ф.Платонов отметил в письме к П.Н.Милюкову: «Карееву очень хотелось этого [участия в диспуте. — Е.Р.], хотя он для приличия и отказывался довольно долго. Лаппо[Данилевский] же будет, напротив, очень недоволен этим и напрасно: Кареева он легко посадит на мель».⁷⁹ Действительно, Н.И.Кареев выдвинул ряд возражений, носящих формальный характер, которые сам А.С.Лаппо-Данилевский охарактеризовал как «мелочи» и «поверхностные придирки», связанные с указанием на «мнимые противоречия» в тексте диссертации.⁸⁰ С.Ф.Платонов же, в целом дав положительную оценку труду А.С.Лаппо-Данилевского, выразил и свое несогласие с теоретизированностью его подхода к историческому знанию. Интерес представляет замечание С.Ф.Платонова о «теоретических странностях» работы А.С.Лаппо-Данилевского, в частности о том, что взгляд А.С.Лаппо-Данилевского — это «взгляд Канта».⁸¹ С.Ф.Платонов отметил чрезмерную приверженность А.С.Лаппо-Данилевского постулатам юридической школы С.М.Соловьева — Б.Н.Чичерина и вызванную этим узость научного взгляда на

русскую историю XVII в. С точки зрения оппонента, А.С.Лаппо-Данилевский уделил недостаточное внимание истории народного хозяйства. В ответном слове А.С.Лаппо-Данилевский заявил, что он и не отрицал значения народного хозяйства, но, на его взгляд, правительственная история (и соответственно система налогообложения) подчиняла себе на этом этапе историю хозяйственного развития.⁸²

В письме к М.А.Дьяконову (критически относившемуся к Н.И.Кареву и приятельски — к С.Ф.Платонову) А.С.Лаппо-Данилевский пишет об оппонентах так: «Карев меня немножко раздражил; против Платонова я не чувствовал — никакого раздражения, да и против других». Однако из характеристики замечаний второго оппонента, который, по словам А.С.Лаппо-Данилевского, то невольно «защищал [диссертанта] от самого себя» (за что А.С.Лаппо-Данилевский не преминул его поблагодарить), то излагал «простую тавтологию»,⁸³ видно, что А.С.Лаппо-Данилевского «раздразнил» и С.Ф.Платонов. Впрочем, сам С.Ф.Платонов, излагая свои впечатления от диспута в письме П.Н.Милюкову, отметил, что «свое возражение я считаю совершенно неудавшимся», «Лаппо защищался остроумно», хотя и подчеркнул, что «при большем умении справиться с формой можно было бы сократить книгу [диссертацию А.С.Лаппо-Данилевского. — *Е.Р.*] страниц на 200».⁸⁴

Диссертация А.С.Лаппо-Данилевского вышла в свет в виде отдельной монографии. В рецензии на эту книгу С.Ф.Платонов несколько иначе выразил свою оценку работы А.С.Лаппо-Данилевского. Хотя он и признал, что «тема поставлена автором вполне определенно, развита во всех частях в должной мере и насколько позволял материал и требовали теоретические соображения», однако намекнул на вспомогательный характер источниковедческой работы А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к общим задачам исторического построения, негативно противопоставив ее в этом отношении методологии Н.Д.Чечулина⁸⁵ — также активного участника Кружка русских историков.

Примечательно, что сам А.С.Лаппо-Данилевский считал Н.Д.Чечулина «человеком буйного нрава и малообразованным»,⁸⁶ о работах которого он отзывался как о «необработанном сырье».⁸⁷ В конце 1890 г. он писал П.Н.Милюкову: «Ваш маэстро [речь идет о В.О.Ключевском. — *Е.Р.*] присудил Уваров[скую] премию Платонову; но рецензия его кажется не все-то удовлетворила. Леонид Ник[олаевич] Майков о ней отзывался с неудовольствием. Странно; ведь он (т.е. Майков) умный человек, а между тем положительный поклонник Платонова и Чечулина».⁸⁸

По всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х гг., А.С.Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от Кружка русских историков. А.Е.Пресняков замечал, что А.С.Лаппо-Данилевский отошел от участия в Кружке русских историков, многозначительно добавляя, что главным лицом в кружке был С.Ф.Платонов.⁸⁹

Все более настороженным было отношение к А.С.Лаппо-Данилевскому и со стороны С.Ф.Платонова. Н.Н.Платонова писала в дневнике (август 1890 г.): «Вчера Степанов сообщил С[ергею] Ф[едоровичу] некоторые интересные новости... Лаппо-Данилевский получил приглашение

в один из южных университетов и принял его. С[ергей] Ф[едорович] доволен этим, если только это правда: два медведя в одной берлоге не уживутся, да и наши отношения с Лаппо-Д[анилевски]м за последние годы стали какими-то натянутыми».⁹⁰ Вскоре Н.Н.Платонова выяснила, впрочем от самого А.С.Лаппо-Данилевского, который в это время еще к Платоновым заходил, что тот «не приглашен ни в какой университет».⁹¹ Показательно, что С.Ф.Платонов (вопрос о профессорстве которого на кафедре русской истории к тому моменту уже был решен) не присутствовал на вступительной лекции А.С.Лаппо-Данилевского (своего приват-доцента) в университете 18 сентября 1890 г.⁹² Лекция называлась «Какое теоретическое значение имеет историческое изучение социального строя всякого общества и древнерусского общества в частности».⁹³ Двусмысленный отзыв о лекции, составленный с чужих слов, находим в дневнике Н.Н.Платоновой: «<...> лекцию Лаппо-Дан[илевско]го хвалят, но говорят, что она была чисто-философского характера и столько же относилась к русской истории как и ко всякой другой науке».⁹⁴ Как мы видим, критическое отношение к философствованию А.С.Лаппо-Данилевского перешло от мужа жене.

В начале 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский окончательно отходит от Кружка русских историков. В одном из писем П.Н.Милюкову (январь 1891 г.) С.Ф.Платонов замечает: «Лаппо-Д[анилевский] очень занят и наше знакомство существует лишь в воспоминании: кроме ближайших знакомых он нигде не показывается».⁹⁵ Сам А.С.Лаппо-Данилевский в феврале 1891 г. писал в письме М.А.Дьяконову: «Завтра... русские историки обедают у Донона, знаете фешенебельный ресторан. Бог с ним. Я теперь кроме Ольден[бургов] и Бекар[юковых], перестал бывать у кого бы то ни было».⁹⁶ Об отсутствии А.С.Лаппо-Данилевского на этом обеде в кружке в дневнике не без горечи упомянула Н.Н.Платонова: «<...> был обед русских историков у Донона; Лаппо-Данилевский не был, как, он потом говорил Сереже [С.Ф.Платонову. — *Е.Р.*], что отдал в тот день свое пальто в починку портному. Основательная причина!»⁹⁷ Вскоре А.С.Лаппо-Данилевский уже недвусмысленно отзывался о встречах русских историков как о «заседаниях мертворожденных».⁹⁸ О своих же отношениях с лидером кружка А.С.Лаппо-Данилевский писал М.А.Дьяконову в июне 1891 г.: «Сегодня Платонов отправился на Волгу один. С ним я как-то расхожусь совсем, мы не враги, но не друзья и даже не товарищи».⁹⁹ Осенью 1891 г. уже С.Ф.Платонов пишет тому же М.А.Дьяконову: «Александр Сергеевич... ведет себя с таким невниманием, что приходится считать отношения прерванными».¹⁰⁰ Для окружающих конкуренция А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в университете была очевидна. Например, Н.Н.Платонова отмечает в своем дневнике (1891 г.), что И.И.Холодник (профессор римской словесности) «постоянно систематически дразнит Сережу Лаппо-Данилевским, изрекая, например, такие фразы: что ж, что в университете 5 человек читают русск[ую] историю; другое дело, если бы было пять Лаппо-Д[анилевски]х».¹⁰¹

Таким образом, период 1889–1891 гг. можно назвать переломным в отношениях между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым; после магистерского диспута А.С.Лаппо-Данилевского их отношения постепенно становились все более отчужденными.

После защиты диссертации А.С.Лаппо-Данилевский все больше времени уделял занятию теорией истории и испытывал все большее научное одиночество в университетской среде. А.С.Лаппо-Данилевский с горечью писал М.С.Гревс, жене И.М.Гревса, в начале 1891 г.: «В нашем официальном ученом мире об идеалах и философии почти не с кем говорить. К[арева], хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская. С Бестужевым[-Рюминым] я иногда говорю, но мы ведь разных поколений, значит во многом разных мировоззрений. О некоторых других и говорить нечего. Очень иногда чувствуется недостаток в человеке, с которым можно было бы поговорить о некоторых специальных вопросах по теории обществоведения».¹⁰²

Научно-общественная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского не мыслится без преподавания, которое он вел в основном в университете, но также в Историко-филологическом институте, где был избран профессором, на архивных курсах, в женской гимназии и других учебных заведениях. А.С.Лаппо-Данилевский всегда живо интересовался вопросами преподавания истории. За почти 30 лет преподавательской деятельности А.С.Лаппо-Данилевский вел занятия по очень широкому кругу тем. Главными были курсы «История древнерусского хозяйства», «История сословий в России XVIII века», «История России в XVIII столетии», «История русского общества в XVIII столетии», «Главнейшие направления в русской историографии XVIII–XIX вв.», «Методы изучения источников и явлений русской истории», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Методологии истории», «Дипломатика частных актов Московского периода».¹⁰³ В своей автобиографии А.С.Лаппо-Данилевский отмечает, что из семинаров по этим предметам вышло несколько молодых ученых и преподавателей.¹⁰⁴ В первой половине 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский постепенно отошел от чтения курсов по русской истории и историографии в университете, где утверждаются взгляды С.Ф.Платонова, ставшего заведующим кафедрой русской истории в декабре 1890 г. Можно предположить, что отход А.С.Лаппо-Данилевского от ряда университетских курсов в значительной степени обусловлен научными разногласиями с С.Ф.Платоновым и произошел под его давлением. Уже в 1891 г. А.С.Лаппо-Данилевский перешел от чтения обширного курса «Общественный строй Московского государства до эпохи преобразований» (параллельного общему курсу русской истории, который С.Ф.Платонов взял за читать сам) к чтению курсов по XVIII веку. Правда, еще несколько лет А.С.Лаппо-Данилевский читал общий курс русской истории в Историко-филологическом институте (в котором, кстати, он занял место, освободившееся после ухода С.Ф.Платонова в 1890 г.¹⁰⁵). В октябре 1890 г. А.С.Лаппо-Данилевский писал М.С.Гревс: «Я читаю общий курс по собственному своему плану, в значительной степени отступающему от общепринятого нашими русскими историками и отечественными знаменитостями... Я думаю, у меня в распоряжении несколько лет эти лекции переработать в общую историю России для всякого образованного человека. Я думаю, что русские люди нуждаются в такого рода книге, которая

воспитывала бы их политическое самосознание».¹⁰⁶ Отметим, что А.С.Лаппо-Данилевскому так и не удалось осуществить эти планы.

Сосредоточение интересов А.С.Лаппо-Данилевского на XVIII веке в условиях Санкт-Петербургского университета не только разграничило предметы научных интересов его и С.Ф.Платонова, но и обусловило новаторские позиции курса А.С.Лаппо-Данилевского в системе университетского преподавания. Увлеченно готовя новый курс летом 1891 г., А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «Я думаю, что курс может выйти интересным. Судьба русской истории в наших университетах довольно странная: на нашем факультете читается только древний период, официальный профессор не доходит до XVIII века... Между тем, в XVIII в. завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время».¹⁰⁷ Но в 1892–1893 гг. С.Ф.Платонов все же включил в свой общий курс историю XVIII в., и А.С.Лаппо-Данилевскому пришлось в очередной раз составлять для себя новый курс — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII–XIX вв.».¹⁰⁸ Однако и он читался А.С.Лаппо-Данилевским параллельно с лекциями С.Ф.Платонова по историографии.¹⁰⁹ Но подход заведующего кафедрой отличался от подхода к историографии А.С.Лаппо-Данилевского значительно более критическим отношением к историко-юридической школе. В результате, отказавшись от курсов по истории XVIII в. и историографии, А.С.Лаппо-Данилевский с 1894 г. начал чтение приват-доцентских курсов по теории исторического знания, которые к началу 1900-х гг. становятся центральными в его преподавательской деятельности в университете. Что касается общего курса в Историко-филологическом институте, то А.С.Лаппо-Данилевский придавал ему большое значение и явно противопоставлял курсу, читаемому С.Ф.Платоновым. В мае 1893 г., сравнивая уровень экзаменов, принимаемых по окончании общих курсов у студентов института и университета, А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «18-го был у меня экзамен на I курсе. Из 25 держало всего 15, остальные 10 отказались. Но и этих 15 я экзаменовал не так как П[латонов] в университете, каждому посвятил минут 20 и спрашивал по всему курсу».¹¹⁰

Теоретические курсы А.С.Лаппо-Данилевского заняли особое место в системе университетского преподавания. При отсутствии на факультете других специалистов, кроме Н.И.Кареева, способных читать общетеоретические курсы, кандидатура А.С.Лаппо-Данилевского, по всей видимости, была приемлемой и для С.Ф.Платонова.

А.С.Лаппо-Данилевский, таким образом, обрел свое место на факультете и на кафедре русской истории, но ощущение одиночества не оставляло его. Он признавался, что испытывает недостаток в общении с коллегами. «К университетскому миру я мало имею отношение в самом университете, да и вне его. Удивительная разобщенность замечается не только между старыми и молодыми, но и между последними»,¹¹¹ — писал А.С.Лаппо-Данилевский. Показателен эпизод в отношениях между С.Ф.Ольденбургом и А.С.Лаппо-Данилевским, описанный последним в письмах их общему товарищу по «братству» — М.А.Дьяконову: «Ольденбург стал доказывать, что для всех положительно обязательна обществен-

ная деятельность помимо университетской, что он, быть может, когда-нибудь и университет и науку бросит для совсем другой сферы. Я по обыкновению настаивал на необходимости кроме политического образования и философского и говорил, что для меня лично даже философское выдвигается на первый план. Ольденбург это назвал самодавлением. Я, как вы знаете не особенный спорщик и смолчал, хотя для меня эта фраза была очень тяжела, даже оскорбительна. И теперь после этого разговора, который ничего враждебного не имел, я тем не менее чувствую какой-то холод, недоверие к С[ергею] Ф[едоровичу] и это чувство очень тяжелое и неприятное. Я надеюсь, что это все вздор и пройдет через несколько дней, а то право ведь я совсем один в этом большом городе. Нет ни одного человека с которым можно было бы поговорить по душе». ¹¹² В этом эпизоде ярко проявились болезненные свойства характера и особенности душевного склада А.С.Лаппо-Данилевского. ¹¹³ Один из ближайших друзей А.С.Лаппо-Данилевского И.М.Гревс отмечал его «болезненное самолюбие» и замкнутость. ¹¹⁴ Что же касается «платоновцев», то их отношение к личности А.С.Лаппо-Данилевского со студенческих лет было крайне настороженным. Вполне характерно в этом смысле замечание В.Г.Дружинина, которое мы находим в его мемуарах: «<...> он был человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него безопасно. Но когда это было нужно держал себя очень почтительно». ¹¹⁵ Н.Н.Платонова многократно писала о «заносчивости» и «невежливости», «странности» А.С.Лаппо-Данилевского. М.И.Ростовцев рассказывал о его «надменном высокомерии». По словам Е.В.Тарле, «даже члены близкого [к А.С.Лаппо-Данилевскому. — Е.Р.] кружка (например) А.А.Кауфман) боялись его». ¹¹⁶

Впрочем, С.Ф.Ольденбург, так же как и И.М.Гревс, до конца жизни оставались одними из немногих друзей ученого. Вообще кружок С.Ф.Ольденбурга воспринимался русскими историками и С.Ф.Платоновым как источник беспокойства. Неоднократно в своем дневнике об Ольденбургском кружке критически отзывается Н.Н.Платонова. Вот, например, характерная запись: «На днях был у нас Степанов; разговор шел о кружке Гревса и Ольденбурга, к которому, несомненно, тесно примкнул и Лаппо-Данилевский. По мнению Ст[епа]нова, члены этого кружка до такой степени убеждены, что они — сосуды истины, добра и красоты, что на всех других людей смотрят свысока и весьма легко и охотно критикуют их образ мыслей и их деятельность. К нам, т.е. к С[ергею] Ф[едоровичу] и мне, они, очевидно, относятся отрицательно, — может быть, даже считают нас темными силами. С[ергея] Ф[едоровича] они, между прочим, упрекают в том, что он мало времени уделяет университету, но из чего они это видят?» ¹¹⁷

Возможно, именно чувство неудовлетворенности университетской жизнью и научной разобщенностью с коллегами побуждало А.С.Лаппо-Данилевского активно участвовать в более свободных, нежели университетское преподавание, формах научного общения. Оно выражалось в работе А.С.Лаппо-Данилевского в научно-исторических обществах.

Одновременно с работой секретарем в Историческом обществе при университете А.С.Лаппо-Данилевский вел активную работу по воссозданию более открытого научного общества (по типу запрещенного Научно-литературного общества), отвечающего задачам научного познания и преподавания в широком смысле, а именно общефакультетского студенческого научного общества. ¹¹⁸ Первоначально Общество предполагалось даже возродить под прежним названием «научно-литературного» или «историко-филологического». ¹¹⁹ Возникновение общества, именованного «Беседами по проблемам факультетского преподавания», произошло еще весной 1894 г., хотя официальное утверждение и последовало только в ноябре. Судя по замечаниям А.Е.Преснякова, активно принимавшего участие в его создании, ¹²⁰ А.С.Лаппо-Данилевскому пришлось столкнуться с сопротивлением руководства как университета, так и историко-филологического факультета. ¹²¹ Так, в сентябре 1894 г. А.Е.Пресняков писал в письме к матери: «От Лаппо-Данилевского слышал, что студенческое общество разрешили, но с такими оговорками, что, пожалуй, его бросить придется». ¹²² Однако, когда организационные трудности остались позади, он так описывал открытие общества: «Великий день открытия нового общества! Кроме шуток, вышло довольно торжественно. Собрались мы в университет к 8 часам. Студентов пришло много, и что всего неожиданнее, что это запрещение пускать с других факультетов, по-видимому, останется мертвою буквой. На этот раз были и юристы, и естественники. Но большинство, конечно, филологов. Из профессоров, кроме председателя Лаппо-Данилевского, приехали только Форстен и Васильевский. Присутствие Васильевского было особенно приятно: это наш патриарх и любимец. Начал Лаппо-Данилевский речью, говорил умно и хорошо, потом мой товарищ Панченко разразился речью, немного странной по тону, но очень искренней... Затем студент Кульман сказал несколько слов по случаю недавнего юбилея Крылова, а за ним я читал с кафедры стоя своего Лакомба». ¹²³

Продолжались «Беседы» на протяжении 10 лет — до 1904 г. Проводились они обычно один-два раза в месяц. По сохранившимся материалам ¹²⁴ мы можем воссоздать ход этих занятий. Председательствовал и руководил собраниями и прениями А.С.Лаппо-Данилевский. Вместе с тем он старался придать организации «Бесед» элемент самоуправления. Поэтому ежегодно, с ноября 1894 г., проходили выборы комитета по устройству «Бесед», определявшие кандидатов от курсов и отделений. Комитет (или «помощники» — как они официально назывались) принимал активное участие в выработке тем будущих заседаний, обсуждении предполагаемых рефератов, составлении заключения о прочитанных докладах. ¹²⁵ Протоколы «Бесед», видимо, не велись, ¹²⁶ и до нас дошли в основном лишь темы прочитанных докладов. ¹²⁷ Направленность тем была весьма разнообразной, соответствующей широкой ориентации историко-филологического факультета, — по психологии, истории, славяноведению, философии, педагогике. С докладами выступали люди, очень далекие друг от друга в профессиональном плане, например преподаватели В.Г.Васильевский и Н.М.Коркунов, студенты М.Д.Приселков и М.А.Полиевктов; ¹²⁸

А.Е.Пресняков. «Беседы» неоднократно посещали многие преподаватели, и прежде всего А.И.Введенский, И.М.Гревс, Н.М.Коркунов, В.Г.Васильевский, Г.В.Форстен, А.И.Соболевский, С.Л.Пташицкий, С.Ф.Ольденбург, В.М.Гессен и другие. На этом фоне показательно отсутствие в числе участников «Бесед» заведующего кафедрой, а затем и ставшего деканом факультета (с 1900 г.) С.Ф.Платонова.

Сама по себе организация «Бесед» не создавала альтернативного административного центра на факультете, но представляла собой самостоятельную научную структуру. Возможно, ее существование было, наряду с другими, одной из причин натянутых отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым. Поскольку выборы¹²⁹ специально проводились по курсам и отделениям, так или иначе с жизнью «Бесед» были связаны все студенты историко-филологического факультета. Судя по нескольким сохранившимся официальным письмам С.Ф.Платонова в качестве декана факультета к А.С.Лаппо-Данилевскому как руководителю «Бесед», их отношения стали носить крайне отчужденный характер.¹³⁰ Показателен эпизод с безуспешной попыткой А.С.Лаппо-Данилевского организовать в 1902 г. секцию этики при «Беседах», которая была воспринята С.Ф.Платоновым отрицательно, хотя их руководитель придавал ей большое значение с точки зрения общественного и культурного смысла возглавляемых им «Бесед».¹³¹

Усилиями А.С.Лаппо-Данилевского «Беседы» плавно перетекли в 1904 г. в студенческое Научно-литературное общество. В 1902–1903 гг. А.С.Лаппо-Данилевский деятельно наводил справки об аналогичных обществах в других университетах; прежде всего, он обратился к опыту только что созданного (1902 г.) Студенческого общества при имп. Московском университете.¹³² Опираясь¹³³ на устав московского общества,¹³⁴ а также на «Примерный устав научных и литературных кружков»,¹³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский вместе со студентами создал несколько проектов устава студенческого Научно-литературного общества¹³⁶ при историко-филологическом факультете. Устав Общества был утвержден на Совете университета в январе 1904 г. Выдвигая на первый план цели научной работы, устав предусматривал относительную автономию Общества от факультета, закреплял твердые начала самоуправления. Интересно, что изменения,¹³⁷ внесенные в окончательный текст устава по сравнению с последним проектом, имели ограничительный характер: при приглашении посторонних лиц на заседания Общества возникла вставка «с разрешения ректора»; преподаватели имели право только присутствовать на заседаниях Общества, но не могли быть его действительными членами. Это последнее исправление устава было связано с обстановкой, сложившейся на факультете в то время, и с теми глубокими разногласиями, которые разделяли различные группы университетской профессуры. Так, будучи деканом, С.Ф.Платонов не мог бы не войти в Общество вместе с другими преподавателями, а это означало бы пусть формальное, но подчинение общему руководству А.С.Лаппо-Данилевского, что было для С.Ф.Платонова, по-видимому, неприемлемо. Ему было куда предпочтительнее сохранить если не прямо подчиненное, то отстраненное положение Обще-

ства¹³⁸ по отношению к администрации факультета. Отношение к студенческому обществу вполне соответствовало деловой записке С.Ф.Платонова А.С.Лаппо-Данилевскому, датированной 1 марта 1904 г.: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Я согласен собрать учредителей **Вашего** [выделено мной. — *Е.Р.*] Общества в воскресенье 7 марта в 8 часов вечера. В четверг я скажу об этом ректору Университета и, условясь с ним, где устроить собрание, немедля Вас уведомя. Если для оповещения учредителей о времени и месте собрания надобно привлечь канцелярию университета, прошу Вас известить меня об этом до четверга. Готовый к услугам Платонов». 13 марта 1904 г., после учреждения Общества С.Ф.Платонов сообщил А.С.Лаппо-Данилевскому об утверждении его председателем студенческого Научно-литературного общества на заседании совета факультета.¹³⁹

Ощутимая конкуренция между обоими учеными за влияние в студенческой среде не ограничивалась нежеланием С.Ф.Платонова участвовать в «обществе А.С.Лаппо-Данилевского» и в какой-то степени переносилась на их общих учеников.

Среди своих учеников, «вышедших из его семинариев 1890-х», С.Ф.Платонов называл С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, И.И.Лаппо, М.А.Полиевктова и Н.П.Павлова-Сильванского.¹⁴⁰ Но все они вышли и из «Бесед» А.С.Лаппо-Данилевского. Из учеников С.Ф.Платонова наибольшее влияние А.С.Лаппо-Данилевского, по-видимому, испытал А.Е.Пресняков.

Большое влияние на формирование А.Е.Преснякова оказали В.Г.Васильевский, Г.В.Форстен и А.С.Лаппо-Данилевский, в то время как С.Ф.Платонов был, как показал М.Б.Свердлов, «не идейным руководителем, а помощником на жизненном пути».¹⁴¹ С.Ф.Платонов оказывал поддержку А.Е.Преснякову со времени защиты его кандидатского сочинения, помог остаться в университете. А.Е.Пресняков стал заместителем С.Ф.Платонова по Женскому педагогическому институту.¹⁴² С.Ф.Платонов был оппонентом на докторском диспуте А.Е.Преснякова в 1918 г., в ходе которого выступил с безусловной и очень важной для диссертанта поддержкой ряда принципиально новых для русской науки положений.

Судя по воспоминаниям А.Е.Преснякова, первые курсы А.С.Лаппо-Данилевского 1890–1891 и 1891–1892 гг. (вероятнее 1891–1892, 1892–1893 гг.) прошли лишь при двух постоянных слушателях (он и Л.К.Куманин) и лишь иногда случайных третьем или четвертом.¹⁴³ Переписка А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует о большем количестве слушателей, но с 1890 г. мы находим в письмах постоянные упоминания о «самых верных» «К» и «П». Можно с уверенностью утверждать, что это были А.Е.Пресняков и Л.К.Куманин. По-видимому, между студентами и преподавателем сложились теплые отношения. Осенью 1892 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил А.Е.Преснякову познакомиться с К.Н.Бестужевым-Рюминым, и, как пишет А.Е.Пресняков, «я, конечно, обрадовался... было бы любопытно. Только смутил меня Куманин — говорит, что Платонову это может не понравиться — он Лаппу [Лаппо-Данилевского. — *Е.Р.*] не долюбивает, а с Бест[ужевым-Рюминым] и сам знаком, так что ему может

не понравится, что я помимо его туда попаду. По-моему, это не умно, ведь Лаппо[-Данилевский] мне предложил, а он нет — так не отказываться же мне.... Постараюсь рассказать ему это все так, чтобы вышло ловко — недаром меня мои приятели “мошенником” зовут, т.е. за избыток такта в некоторых случаях». ¹⁴⁴ В тот раз встреча с К.Н.Бестужевым-Рюминым не состоялась, а в скором времени (в январе 1893 г.) С.Ф.Платонов сам познакомил с ним А.Е.Преснякова. Историю эту А.Е.Пресняков описывает следующим образом: «Вчера Платонов с удивлением спросил меня: откуда Бестужев[-Рюмин] обо мне знает и почему желает со мной познакомиться. Я сообразил, что Бестужев[-Рюмин] не забыл еще известных... переговоров с Лаппо-Данилевским. Сегодня отправился. Кстати Платонов дал мне книгу, чтобы возвратить ее Бестужеву[-Рюмину]». ¹⁴⁵ В письме А.С.Лаппо-Данилевского, помеченного маем 1893 г., находим описание одного из разговоров с учениками: «Вечером пришли мои верные слушатели П[ресняков] и К[уманин] Разговоры наши с ними были самые разнообразные и интересные. П[реснякову] вероятно немного вскружили голову его успехи, что впрочем понятно. Он поэтому держит себя довольно самоуверенно, а с товарищем покровительственно и вообще задорно. Все это не особенно привлекательно, но пройдет с годами. Человек он несомненно умный и образованный, языки знает, читал кое-что, живописью увлекается... П[ресняков] объявил, что будет заниматься XVIII веком и что он намерен другой раз со мной об этом поговорить и посоветоваться». ¹⁴⁶ В сентябре 1893 г. А.Е.Пресняков рассказывал в письме о составлении своей магистерской программы: «У Лаппо-Данилевского я обедал в Воскресенье, много говорили, состряпали магистерскую программу, несколько изменив мои вопросы; окончательный вид она примет в среду, после беседы с Платоновым». ¹⁴⁷ Впрочем, как ни ценил А.Е.Пресняков советы С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, он замечал в то же время, что «я и без них знаю, что и как делать». ¹⁴⁸ В ноябре А.Е.Пресняков сообщал в письме: «Относительно занятий моих — у меня был обстоятельный разговор с Лаппо-Данилевским. В общем мы с ним столковались, а в виде темы для магистерской диссертации проектируем вопрос по XVIII веку, хотя формулировки еще не нашли. Может быть, это не совсем ладно, что советы Лаппо-Данилевского заменяют мне руководство Платонова, но я же не виноват, что они полезны! Сведения у этого человека масса и самых разнообразных!» ¹⁴⁹

Как известно, А.Е.Пресняков стал углубленно заниматься более ранними периодами, но курсы А.С.Лаппо-Данилевского по истории XVIII в. и методологии истории он продолжал слушать до 1895 г. ¹⁵⁰ В середине 1890-х гг. А.Е.Пресняков был одним из наиболее активных организаторов и деятелей «Бесед». ¹⁵¹ В мае 1895 г. А.Е.Пресняков замечал по поводу кружка Г.В.Форстена, в деятельности которого тоже принимал определенное участие: «Вокруг Форстена только труженики, а кто подаровитее, уйдет к Лаппо[-Данилевскому], потому что он шире». ¹⁵² Когда к концу 1890-х гг. вокруг А.С.Лаппо-Данилевского стал группироваться кружок, в той или иной степени противостоящий Кружку русских историков, А.Е.Пресня-

ков оказался в числе его участников, и по его воспоминаниям мы можем судить о деятельности и составе этого кружка. В письме к матери от 9 октября 1897 г. А.Е.Пресняков отмечал: «Из любопытных новинок моих стоит упомянуть о начавшихся собраниях у А.С.Лаппо-Данилевского. Он затеял составить небольшой кружок из историков для занятий теорией и методологией социальных наук. Участвуют И.М.Гревс, экономист А.А.Кауфман, ориенталист С.Ф.Ольденбург, И.И.Лапшин, М.А.Полиевктов, еще два-три человека. Поучительно». ¹⁵³ Вглядываясь в состав кружков, нельзя не отметить, что младшие их участники, студенты и вчерашние выпускники факультета, часто входили в несколько таких групп, или переходя из одного кружка в другой, или участвуя в нескольких одновременно. Барьер, воздвигнутый старшими, не касался младшего поколения, хотя рано или поздно большинство идентифицировали себя с определенной группой и с конкретным именем.

А.С.Лаппо-Данилевский продолжал привлекать А.Е.Преснякова к различным научным предприятиям на протяжении всей своей научной деятельности. С образованием в 1903 г. секции русской истории в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете на долгие годы установилось ее руководство — председатель А.С.Лаппо-Данилевский, секретарь А.Е.Пресняков, проводивший заседания в отсутствие председателя. Сотрудничество А.С.Лаппо-Данилевского с А.Е.Пресняковым продолжилось и в Русском социологическом обществе, и в Организационном комитете IV Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге.

А.Е.Пресняков с самого начала тяготился необходимостью маневрировать, как он сам писал, «изворачиваться между Платоновым и Лаппо-Данилевским». ¹⁵⁴ В одном из его писем (17 марта 1894 г.) читаем следующие строки: «Толковали мы [с С.Ф.Платоновым] о “кружковщине”, у нас ведь все лагеря друг друга не выносящие, хотя ни в чем в сущности серьезно не противоположные. Все это мелко и нехорошо. Я говорил с задней мыслью, п[отому] что предполагал (а после узнал достоверно), что Платонов недоволен тем, что я бываю у Лаппо-Данилевского. Выпили мы с ним за столом за уничтожение кружковщины. Эта злосчастная кружковщина и вчера обсуждалась. Зло это неискоренимое». ¹⁵⁵

В середине 1890-х гг. А.Е.Пресняков даже предпринял несколько попыток «примирить» враждующие партии. Первая произошла на банкете, последовавшем за докторским диспутом Г.В.Форстена в марте 1894 г. Вот как А.Е.Пресняков описывал ситуацию на этом банкете в письме к матери: «Затянулось собрание надолго. Сперва разговаривали кружками. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с 2-3 неуниверситетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком “русских историков”, а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов. Такое деление мне надоело и с помощью Форстена мы попытались перемешать публику, но безуспешно. В 11 часов пошли закусь, потом еще с час сидели в кабинете и тогда только пошли ужинать. И тут сели по всем правилам местничества. Стол стоял так, т.е. три стола: — с одного конца сидели кончающие студенты с А.С.Лаппо-Дани-

левским, потом старшие — Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с ним пустой стул, и на противоположном конце — Гревс с Кареевым. Мне это глаза кололо и я завел с Платоновым разговор по душе, о причинах такого деления. Он был необыкновенно искренен: и вообще такой был задушевный, что совсем меня тронул. Он разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е. платоновцы, разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только лично дружбой, а не каким-нибудь общим *сredo* связанные между собой. По характеру ума они скептики — недовольные ныне господствующими порядками, не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности — равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же».¹⁵⁶ Возможно, под воздействием этого разговора С.Ф.Платонов вскоре предложил тост, который А.Е.Пресняков описывает далее в своем письме следующим образом: «Платонов... предложил чудный искренний тост, который должен будет иметь серьезные последствия — тост за выработку полной и тесной солидарности членов факультета, на которой держится та факультетская традиция, которая вырабатывает молодежь в хорошем направлении. Увы! один Лаппо-Данилевский с противоположного конца стола пришел чокнуться; конечно молодежь и друзья Платонова с восторгом приняли тост. А Кареев, и что обидно — Гревс... ну, Бог с ними. Лишь бы Лаппо[-Данилевский] понял, что приняв протянутую руку, он принял на себя известное обязательство. Платонов убежден, что Лаппо[-Данилевский] сделал это сознательно, а в него он и целил».¹⁵⁷ Интересно, что следующей «мишенью» С.Ф.Платонова стал сам виновник торжества — Г.В.Форстен. А.Е.Пресняков так изобразил этот пассаж С.Ф.Платонова: «Платонов опять стал говорить — говорить о значении Васильевского, которого мы все ученики до мозга костей, рассказал историю сближения кружка русских историков с Форстеном. Он говорил так задушевно, что, по общему признанию, Васильевскому и ему мы обязаны тем хорошим впечатлением, которое все унесли с собою. Мне стало стыдно, что я последнее время не совсем доверчиво относился к нему, считая, что он человек партии, кружка. А Кареев лишил меня возможности защищать его, что я начал было делать, думая, что не он виноват в факультетском расколе».¹⁵⁸ Дело в том, что, по словам А.Е.Преснякова, Н.И.Кареев выпил и «сбежал» до тоста С.Ф.Платонова, причем после его ухода стало как-то «уютнее и теплее».¹⁵⁹

После этого вечера А.Е.Преснякову даже показалось, что он может положить конец вражде двух партий. Его следующее письмо матери повествует о его усилиях в этом направлении: «Любопытные времена мы теперь переживаем... Эпоха ликвидации отношений, как говорит Платонов. Странное дело: наши кружки, долго обособленные, столкнулись было, и теперь весь вопрос в том сумеют ли они, захотят ли понять друг друга. Покончивши объяснением с Платоновым, я не утерпел, чтобы не затеять их с Лаппо-Данилевским. К сожалению, нам помешали в Четверг, когда я был у него; он успел высказаться (и, слава Богу, сделал это вполне откровенно), — относительно своих отношений к Платонову и К°. Боже мой, какая тут нелепая путаница понятий. На этот кружок смотрят как на ультраконсервативный, а la “Новое время” и, вспоминая “прежние либеральные мысли” Платонова, видя отщепенца (?!!), да еще, кажется, под влиянием жены. Такой красивый ярлык повешен на весь кружок, и — не смейтесь читающие! — и на... меня!! ... Все это очень досадно, но так нелепо, что даже не обидно, а смешно. К сожалению, я не успел со своей стороны, разъяснить Лаппо-Данилевскому настоящее положение дела. Надеюсь сделать это в ближайшем будущем».¹⁶⁰ О своем намерении поговорить с А.С.Лаппо-Данилевским А.Е.Пресняков упоминает еще раз, но уже несколько в ином тоне. В письме к матери от 6 апреля он замечает: «А наше болото поволновалось, да и стихло... Лаппо[-Данилевского] я больше не видел. Верно, я завтра схожу к нему. Разъяснить недоразумения следует, но результатов не последует. Их с Платоновым разделяет противоположность натур. Лаппо[-Данилевский] прав, говоря, что с Платоновым нельзя поддерживать чисто деловых научных отношений. Он требует большего, требует личных отношений, дружбы. А на это Лаппо[-Данилевский] не способен. Не даром Гревс на вопрос, каков Лапп[-Данилевский] с своим маленьким сыном (летом он умер), ответил также вопросом: “Да какое может у него быть отношение к маленькому существу?” Больно он “умственный” человек. А все-таки он не сухой, а очень симпатичный. Странная натура».¹⁶¹ По-видимому, этот разговор с А.С.Лаппо-Данилевским так и не состоялся, поскольку А.Е.Пресняков постепенно укреплялся в мысли о его вероятной безрезультатности, а может быть, и своей наивности в стремлении что-либо «разъяснить».

Пример научной судьбы А.Е.Преснякова показателен для той роли, которую играли А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов в системе взаимоотношений петербургской исторической науки конца XIX — начала XX в.

В 1880-х — начале 1890-х гг. С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский были центрами притяжения, прежде всего неформального научного общения. Однако постепенно росли их научно-административные обязанности и полномочия, С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский начинали выступать как администраторы и координаторы деятельности петербургской исторической науки. Быстрая карьера обоих ученых в 1890-х — начале 1900-х гг. придала административно-организационные основания научному противостоянию и личному соперничеству.

Напряженный характер служебных отношений А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова проявился в их совместной деятельности в Археографической комиссии, в состав которой они были избраны одновременно — 20 сентября 1894 г.¹⁶² С.В.Чирков указал на совместную деятельность в Археографической комиссии С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского как «учеников В.Г.Васильевского».¹⁶³ С этим мнением С.В.Чиркова можно согласиться в том отношении, что в 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов были самыми активными членами Комиссии. Они оба занимались изданием писцовых и переписных книг — А.С.Лаппо-Данилевский по Нижнему Новгороду, С.Ф.Платонов по Новгороду Великому. При этом оба археографа сами разрабатывали правила издания этих источников.¹⁶⁴ Правила А.С.Лаппо-Данилевского отличались от указаний С.Ф.Платонова не столько с точки зрения археографической техники, которая во многом совпадала, сколько с точки зрения самого подхода к изданию. Подход С.Ф.Платонова был эмпирическим, связанным с задачей максимально полного отображения источника издателем. Подход А.С.Лаппо-Данилевского изначально был теоретическим, поэтому его предложения более систематизированы,¹⁶⁵ по замечанию С.Н.Валка, «теоретически продуманы, разносторонни»¹⁶⁶ и были увязаны с задачами исторического построения. По-видимому, этот «теоретический взгляд» несколько смущал С.Ф.Платонова, который подходил к задачам археографии с более формальных по сравнению с А.С.Лаппо-Данилевским позиций. Если А.С.Лаппо-Данилевский все же вносил некий элемент научной субъективности в археографию, предлагая печатать исторические значимые источники, хотя и понимал эту «значимость» широко, с позиций своей методологии, то С.Ф.Платонов предлагал отказаться от всякой «выборочной системы».¹⁶⁷ О серьезности археографических расхождений между учеными свидетельствует тот факт, что С.Ф.Платонов был единственным крупным ученым, занимающимся русской историей, не приглашенным А.С.Лаппо-Данилевским в 1902 г. к обсуждению составленного им по поручению Академии «Плана издания архивных документов XVI—XVIII вв.». Противоположная ситуация сложилась в Археографической комиссии, в которой с 1900 г. лидирующее положение занял С.Ф.Платонов. Он не только возглавил созданный редакционный совет Комиссии, который, по существу, подготавливал все ее решения, но и руководил многими заседаниями Комиссии во время отсутствия ее председателя графа С.Д.Шереметева. В 1900—1910-х гг. в число членов и сотрудников Комиссии был введен ряд членов бывшего Кружка русских историков и учеников С.Ф.Платонова,¹⁶⁸ в то время как ни один из учеников А.С.Лаппо-Данилевского, создавшего свою археографическую школу, не был привлечен до смерти их учителя к деятельности Комиссии даже в качестве сотрудника. В начале своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский попытался привлечь Археографическую комиссию к реализации своих издательских замыслов. В 1902 г. он официально обратился от имени Академии к Комиссии с просьбой издать ряд материалов, собранных А.А.Куником в виде приложения к сборнику, уже изданному Комиссией, но Комиссия отказала ему в этой просьбе. С этого

момента А.С.Лаппо-Данилевский прекращает попытки использовать Комиссию в интересах Академии. Не участвовал А.С.Лаппо-Данилевский и в одном из основных издательских предприятий Археографической комиссии — издании «Полного собрания русских летописей», руководимом А.А.Шахматовым и С.Ф.Платоновым. Не присутствовал А.С.Лаппо-Данилевский и на заседаниях редакционного совета, связанных с подготовкой правил издания летописных текстов, главным разработчиком которых стал А.А.Шахматов.

О работе А.С.Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии сохранились любопытные воспоминания ее правителя дел «платоновца» В.Г.Дружинина. Они иллюстрируют как отношения внутри комиссии, так и характер разногласий между ее членами. В Археографической комиссии «он [А.С.Лаппо-Данилевский. — *Е.Р.*] испортил одно назревшее предприятие, совершенно не понимая и не умея отличить теорию от практики». По словам В.Г.Дружинина, комиссия нашла деньги на переиздание Актов Археографической экспедиции, «которые были необходимы студентам как пособие, но которое на рынке стоило 25 р., т.к. все издание сгорело в 1863 г. при пожаре Апраксина двора... Новое издание стоило бы всего пять рублей и было бы прекрасным пособием для учащихся... В заседании комиссии, когда обсуждался вопрос о новом издании этих актов, Лаппо-Данилевский стал проводить прямолинейную мысль о том, что комиссии не подобает перепечатывать несовершенных изданий... он не хотел понять то, что нужно дать учащимся в руки дешевое пособие. Что же касается ошибок при издании актов, то их можно было бы оговорить».¹⁶⁹

В 1904 г. члены Археографической комиссии четко разделили между собой предметы археографических занятий. С.Ф.Платонову было поручено издание приказных книг и столбцов, а А.С.Лаппо-Данилевскому — материалов по истории частного хозяйства, сборников актов и писцовых книг.¹⁷⁰ С этого момента занятия ученых в Археографической комиссии не пересекались. С начала 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский резко ограничил свою работу в Археографической комиссии, фактически не принимая участия в ее основных предприятиях. Впрочем, по этому поводу В.Г.Дружинин просто замечает, что А.С.Лаппо-Данилевскому «редакции больших изданий... не поручали».¹⁷¹

В 1893 г. С.Ф.Платонов был утвержден секретарем историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1895 г. к занимаемому им посту добавилась должность помощника директора Санкт-Петербургских женских курсов. Наконец, в 1900 г. С.Ф.Платонов был избран деканом Историко-филологического факультета, а в 1903 г. назначен директором Женского педагогического института. Таким образом, в первой половине 1900-х гг. он прочно занял крупные административные позиции в петербургской науке. Их значение определялось прежде всего полномочиями С.Ф.Платонова в области привлечения научных кадров к деятельности возглавляемых им учреждений, распределения факультетских и институтских должностей и курсов. Будучи директором Женского педагогического института, С.Ф.Платонов привлекал к пре-

подаванию в институте своих университетских коллег и учеников. В их числе были Э.Д.Гримм, Г.В.Форстен, Н.К.Кульман, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, Н.Д.Чечулин, А.А.Шахматов, П.Г.Васенко, И.И.Лаппо и другие. А.Е.Пресняков, Н.К.Кульман и С.В.Рождественский в разное время были заместителями директора Женского педагогического института. С.Ф.Платонов многократно обращался за материальной помощью для своих коллег, которую он получал по ведомству императрицы Марии.¹⁷² В 1900–1903 гг. С.Ф.Платонов добивался назначения на должности профессоров университета И.А.Бодуэна де Куртенэ, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.И.Ростовцева, С.А.Жебелева, Б.М.Мелиоранского, И.А.Шляпкина, Б.А.Тураева.¹⁷³ При этом большинство кандидатов, выдвигаемых С.Ф.Платоновым на профессорские должности, не имели необходимой по закону докторской степени и назначались лишь благодаря исключительной настойчивости декана.¹⁷⁴ По всей вероятности, именно С.Ф.Платонову удалось добиться восстановления на факультете опальных И.А.Бодуэна де Куртенэ и И.М.Гревса.¹⁷⁵ Таким образом, «консервативный историк» С.Ф.Платонов, обеспечивший себе большое влияние в университете и Министерстве народного просвещения благодаря связям с императорским домом (с 1895 г. С.Ф.Платонов преподавал политическую историю великому князю Михаилу Александровичу и великой княжне Ольге Александровне),¹⁷⁶ объективно встал на защиту научных сил факультета от тех гонений, которые обрушились на него после студенческих волнений 1899 г. В период руководства С.Ф.Платонова факультетом сформировался, возможно, один из лучших профессорско-преподавательских составов в его истории. Возможно, изменение обстановки на факультете способствовало и перемене настроения А.С.Лаппо-Данилевского, который в конце 1899 г. хотел уйти с факультета по этическим соображениям.¹⁷⁷ С другой стороны, показательно, что А.С.Лаппо-Данилевский так и не был представлен С.Ф.Платоновым к профессорскому званию, хотя по формальным основаниям, в отличие от большинства приват-доцентов, он имел на это право, будучи академиком (на него не распространялось обязательное требование о наличии докторской степени). В то же самое время, согласно университетскому уставу 1884 г. историко-филологический факультет и его декан просто были обязаны предоставить любому члену Академии наук возможность ведения приват-доцентских курсов на факультете.¹⁷⁸ С 1907 г. А.С.Лаппо-Данилевский воспользовался своим правом «академика» и стал вести курсы сразу по двум кафедрам — всеобщей и русской истории.¹⁷⁹

Карьера А.С.Лаппо-Данилевского развивалась не менее стремительно. В.Г.Васильевский называл А.С.Лаппо-Данилевского «прирожденным академиком» и способствовал его продвижению в состав Академии наук.¹⁸⁰ Возможно, избранию А.С.Лаппо-Данилевского способствовало и его знакомство с президентом Академии великим князем Константином Константиновичем, который в конце 1890-х гг. пригласил его руководить занятиями своих сыновей.¹⁸¹ В декабре 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран действительным членом Академии наук в звании адъюнкта, в апреле 1902 г. стал экстраординарным, а в мае 1905 г. — ординарным акаде-

миком.¹⁸² Об избрании А.С.Лаппо-Данилевского в Академию особый интерес представляют воспоминания Н.Н.Платоновой, записанные уже после смерти А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. Отвечая на вопрос, заданный Е.В.Тарле, «почему Л[аппо]-Данилевский был избран в Ак[адемию] Н[аук] помимо С[ергея] Ф[едоровича]», т.е., почему была совершена «несправедливость», Н.Н. Платонова пишет: «Мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] прекрасно помним, как это было: Васильевский, Бестужев[-Рюмин], Розен решили провести в Ак[адемию] Н[аук] молодые силы для оживления работы и остановились на европейски образованных, сравнительно обеспеченных и не удрученных семей молодых ученых — Л[аппо]-Д[анилевском] и С.Ф.Ольденбурге. У С[ергея] Ф[едоровича] хранится письмо Васильевского по этому делу. Вероятно, что они рассуждали так: С[ергей] Ф[едорович] занимает кафедру в Ун[иверсите]те — не все же отдавать одному; С[ергей] Ф[едорович] хороший лектор, а Л[аппо]-Д[анилевский] человек типа кабинетного ученого. С течением времени, когда Ак[адемия] Наук превратилась всецело в гнездо партии к[онституцион-ных]-д[емократов], да еще при нетерпимом отношении к С[ергею] Ф[едоровичу] со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], произнести имя С[ергея] Ф[едоровича] в Ак[адемии] Н[аук] было все равно, что показать быку красный платок. Теперь, когда Л[аппо]-Д[анилевско]го уже нет, С[ергей] Ф[едорович] имеет полное право сказать, что он никогда не делал никакого зла Л[аппо]-Д[анилевско]му, а от него много зла видел».¹⁸³ По-видимому, Н.Н.Платонова в целом верно определила логику выбора старшего поколения петербургской школы. Возможно, однако, что здесь шла речь не только о соблюдении «баланса сил», но также присутствовало осознание значимости той перспективы, которую открывал перед наукой теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского. По крайней мере, интерес к теоретическим изысканиям ученого у одного из «стариков» был. В мае 1893 г. А.С.Лаппо-Данилевский писал жене: «Бестужев[-Рюмин], у которого я был недавно, говорит, что мое “призвание” состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно».¹⁸⁴

А.С.Лаппо-Данилевский стал организатором целого ряда предприятий Академии, к которым привлек ведущие исследовательские силы русской науки. Первое место среди направлений ученой деятельности академика заняла публикация источников по национальной истории. А.С.Лаппо-Данилевский приглашал и координировал работу большого числа специалистов по русской истории. Среди них были А.А.Шахматов, В.Н.Сторожев, М.А.Дьяконов, В.Н.Бенешевич, Е.Ф.Шмурло, Э.А.Вольтер, И.Н.Миклашевский, О.И.Остроградский, Н.Д.Чечулин, А.И.Успенский, А.А.Кизеветтер, М.М.Богословский, М.В.Клочков, А.А.Шилов, Н.И.Сидоров, С.В.Рождественский, А.В.Карташев, А.А.Жижиленко, А.В.Бородин, С.М.Горяинов, А.В.Флоровский, князь Д.И.Шаховской, Ф.В.Тарановский, Б.Д.Греков, А.И.Андреев, С.Н.Валк, В.Н.Кун, М.Ф.Злотников, П.Б.Струве, И.И.Лаппо, Г.В.Вернадский, Я.Л.Барсков, П.И.Люблинский. Работа велась по двум основным программам издания источников, разработанным А.С.Лаппо-Данилевским, — «Памятни-

ки русского старинного законодательства» и «Материалы по истории русского законодательства». Особое место занимало редактируемое А.С.Лаппо-Данилевским будущее издание «Грамот Коллегии экономии». По рекомендации и под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского в академических изданиях был опубликован ряд работ петербургских ученых, в частности Н.И.Кареева и О.А.Добиаш-Рождественской.¹⁸⁵

К участию в различных международных проектах Академии наук А.С.Лаппо-Данилевский привлекал В.В.Бартольда, А.А.Васильева, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.А.Дьяконова, С.А.Жебелева, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, Н.Я.Марра, П.П.Митрофанова, С.Ф.Ольденбурга, М.И.Ростовцева, Б.А.Тураева, Б.В.Фармаковского, А.Е.Преснякова, Л.П.Карсавина и ряд других.¹⁸⁶

Среди приглашенных А.С.Лаппо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете были А.А.Шахматов, Я.Л.Барсков, Б.Д.Греков, М.А.Дьяконов, А.А.Кауфман, В.А.Мякотин, Н.П.Павлов-Сильванский, М.А.Полиевктов, М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, С.Л.Пташицкий, С.В.Рождественский, Е.В.Тарле, Е.Ф.Шмурло.¹⁸⁷

А.С.Лаппо-Данилевский стоял у истоков организации социологической науки в России. Под его руководством в 1916 г. возникло Русское социологическое общество, к работе которого им был привлечен ряд видных историков и философов.¹⁸⁸

Очевиден значительный масштаб научно-организаторской деятельности обоих ученых. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, координируя работы основных сил петербургской исторической науки, А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов действовали обособленно.

Видимо, 1900-е гг. — время максимального нарастания напряженности в их отношениях. В подтверждение этого предположения свидетельствуют данные о контактах С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского в этот период. В феврале 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский сделал «попытку» привлечь С.Ф.Платонова к работе русской секции в Историческом обществе при университете. По этому поводу сохранились записка А.С.Лаппо-Данилевского С.Ф.Платонову и его ответ. А.С.Лаппо-Данилевский писал: «Многоуважаемый Сергей Федорович, Я решаюсь обратиться к Вам с большою просьбой, заранее извиняясь, что совершенное отсутствие времени лишает меня возможности лично передать Вам ее. Дело вот в чем. При Историческом обществе (при Университете) желательнее было бы образовать особую (специальную) секцию по русской истории, в занятиях которой Ваше участие было бы ценно [? — Е.Р.] для Общества. Не будете ли Вы добры приехать ко мне в Воскресенье в 8 часов вечера для обсуждения этого вопроса. Ваше присутствие было бы весьма желательно. Готовый к услугам, А.Лаппо-Данилевский». Общий тон письма к декану, и в частности замечание об отсутствии времени для устного приглашения, выглядели вызывающе. На письме А.С.Лаппо-Данилевского пометка С.Ф.Платонова: «Нахальство или неопытность?» и черновик ответа: «Душевно сожалею, что не могу в воскресенье быть у Вас. Недостаток времени мешает дать Вам и заочное обещание, что я буду принимать

участие в трудах, возникающей при Вашем обществе секции русской истории. Готовый к услугам, С.Ф.Платонов».¹⁸⁹ Такой характер переписки явно указывает на острое соперничество между учеными и на то, что их отношения находились в этот момент на грани открытой неприязни.

В годы революции 1905—1907 гг. еще более резко обозначились противоречия в политических взглядах двух историков, что, по всей вероятности, также не способствовало улучшению взаимных отношений.

В.С.Брачев обоснованно указал на существование в научной среде того времени мнения о противодействии А.С.Лаппо-Данилевского выдвижению С.Ф.Платонова в действительные члены Академии,¹⁹⁰ что было причиной явной антипатии С.Ф.Платонова по отношению к Академии. Характерно, что, когда в 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский вместе с академиками М.А.Дьяконовым и В.В.Латышевым инициировал избрание С.Ф.Платонова в члены-корреспонденты Академии,¹⁹¹ С.Ф.Платонов, в отличие от других избранных, в своем письме Академии выразил признательность не за избрание, а за факт уведомления об избрании.¹⁹²

В 1910-е гг. отношения между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым продолжают оставаться сложными, хотя и менее резкими внешне. В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский предпринял несколько попыток привлечь С.Ф.Платонова к сотрудничеству в академических проектах. В ноябре 1913 г. он дважды приглашал С.Ф.Платонова принять участие в совещаниях, связанных с проведением организационного съезда историков, посвященного подготовке Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге в 1918 г. С.Ф.Платонов отказывался и замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Не сомневаюсь, что Академия найдет достаточно энергичных людей для устройства съезда и потому не считаю своего отказа сколько-нибудь существенным для успеха дела».¹⁹³ В 1915 г. по просьбе группы американских историков А.С.Лаппо-Данилевский начал подготовку издания истории России на английском языке.¹⁹⁴ Впервые для изданий, редактируемых А.С.Лаппо-Данилевским, в списке предполагаемых авторов появилась фамилия С.Ф.Платонова. По предположению А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Платонов мог бы участвовать вместе с М.А.Дьяконовым и С.В.Рождественским в написании раздела истории, посвященного «московскому периоду». Однако фамилия С.Ф.Платонова оставалась в списке, составленном А.С.Лаппо-Данилевским, под вопросом. Планы издания были сорваны политическими событиями. По всей видимости, С.Ф.Платонова по меньшей мере заинтересовало предложение А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку после революции и смерти А.С.Лаппо-Данилевского он вступил в переговоры со стэнфордским профессором Ф.А.Голдером,¹⁹⁵ представлявшим заказчиков издания А.С.Лаппо-Данилевского, написал и выпустил свою краткую однотомную «Историю России» на английском языке¹⁹⁶ (основой послужил учебник С.Ф.Платонова по истории России).

К области совместной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова относится их участие в работе имп. Русского исторического общества. С.Ф.Платонов стал членом этого самого престижного в России исторического общества в феврале 1902 г., после того как начал

преподавать историю членам императорской фамилии. С 1908 г. С.Ф.Платонов был членом Совета общества. Однако в 1910 г. председателем Общества стал великий князь Николай Михайлович, с которым у С.Ф.Платонова не сложились отношения,¹⁹⁷ что, видимо, послужило действительным мотивом его демонстративного выхода из Совета общества в 1915 г.¹⁹⁸ С другой стороны, у Николая Михайловича, по-видимому, сложились хорошие отношения с А.С.Лаппо-Данилевским, который был избран в состав Общества в 1914 г., а в Совет общества — в 1917 г. Таким образом, и в этом обществе С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский оказались в оппозиции друг к другу.

С.Ф.Платонов — единственный из крупных петербургских историков — не принял участия в организации «Русского исторического журнала» в 1916–1917 гг., возможно, именно потому, что к этому был причастен А.С.Лаппо-Данилевский.

События октября 1917 г. были восприняты как катастрофа обоими учеными. Видимо, в революционные годы перед лицом свершившихся культурных потрясений происходит вынужденное сближение А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова. В 1918 г. С.Ф.Платонов наконец рекомендовал А.С.Лаппо-Данилевского на должность экстраординарного профессора,¹⁹⁹ А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, поддержал кандидатуру С.Ф.Платонова на выборах председателя Археографической комиссии.²⁰⁰

С другой стороны, как показала Т.И.Хорхордина, противоречия между группировками платоновцев и лаппо-данилевцев отразились в работе различных общественных и государственных учреждений по руководству архивным делом, возникших в «смутные» 1917–1919 гг.²⁰¹ Кроме личного момента, причину противоречий Т.И.Хорхордина видела, во-первых, в государственнической позиции С.Ф.Платонова, противопоставляя ее антибольшевистской принципиальности А.С.Лаппо-Данилевского, во-вторых, в отношении А.С.Лаппо-Данилевского и его учеников к архивоведению как к науке, что было нехарактерно для школы С.Ф.Платонова.²⁰²

На наш взгляд, сложные личные отношения и административное противостояние ученых и их школ в значительной степени было обусловлено различием в понимании задач и методов исторической науки.²⁰³ Разница в методологических подходах к историческому знанию, суть расхождений заключалась не столько в разных концепциях национальной истории, сколько в отношении к роли методологии в работе историка. Археографические штудии, источниковедческие курсы, учебные семинары, конкретно-исторические работы С.Ф.Платонова никак идеологически не связаны. Его лекции по источниковедению являлись скорее эмпирическими обобщениями, описанием опыта нескольких поколений историков, нежели научным построением. Выше уже указывалось, что вопросы общей теории истории вообще были С.Ф.Платонову чужды. В противоположность ему, А.С.Лаппо-Данилевский с первых шагов на исследовательском поприще относился к истории и ее методологии как к строгому научному знанию. В Научно-литературном обществе А.С.Лаппо-Данилевский не раз выступал с докладами по теории ис-

торического знания.²⁰⁴ Важна была и особая устремленность А.С.Лаппо-Данилевского к перевороту в науке. «Претензии у меня большие, — писал А.С.Лаппо-Данилевский в 1891 г., — хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым в высоком значении этого слова, ученым, который дает новое освещение не только некоторым подробностям науки, но и основным принципам науки».²⁰⁵ На наш взгляд, у С.Ф.Платонова, не менее преданного науке, не было таких претензий, стремления посягнуть на ее основные принципы.

Организаторские способности и административные возможности С.Ф.Платонова способствовали становлению некой научной корпорации — «школы С.Ф.Платонова» — в 1890–1900-х гг. В нее входили не только ученики С.Ф.Платонова, но и ученики его учеников, в том числе те, кого Б.А.Романов образно окрестил «дружиной».²⁰⁶

В 1900-х гг. начала складываться и школа А.С.Лаппо-Данилевского. К ней следует отнести В.Н. Борсука, А.А.Шилова, А.И.Андреева, С.Н.Валка, В.Н.Куна, М.Ф.Злотникова, В.И.Веретенникова, И.И.Любименко, ряд других ученых. Как и С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский чувствовал себя лидером этой особой научной корпорации, он широко использовал связи для устройства своих учеников.

Как отмечал ряд исследователей, школа А.С.Лаппо-Данилевского носила отчужденный характер по отношению к школе С.Ф.Платонова.²⁰⁷ Показательно, что в то время как многие ученики С.Ф.Платонова активно участвовали в семинариях и научных предприятиях А.С.Лаппо-Данилевского, ученики А.С.Лаппо-Данилевского до его смерти к участию в ученых занятиях С.Ф.Платонова не привлекались. Причина этого видится нам не только в научных разногласиях, но и в том, что А.С.Лаппо-Данилевский с известной долей ревности относился к своим ученикам, а С.Ф.Платонов строго выделял «людей А.С.Лаппо-Данилевского» из возглавляемой им корпорации. Показательна переписка ученых, посвященная магистерскому диспуту ученика А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Веретенникова в 1910 г. С.Ф.Платонов дважды пересылал письмо В.И.Веретенникова с просьбой об организации диспута А.С.Лаппо-Данилевскому, отказываясь делать какое-либо заключение о работе «ученика А.С.Лаппо-Данилевского». При этом С.Ф.Платонов был готов выступить вторым оппонентом, полностью положившись на мнение А.С.Лаппо-Данилевского.²⁰⁸ А.С.Лаппо-Данилевский же в осторожных выражениях пытался выяснить мнение С.Ф.Платонова по существу диссертации до диспута.²⁰⁹ Ситуацией, сложившейся с магистерской диссертацией В.И.Веретенникова из-за напряженных отношений А.С.Лаппо-Данилевского с С.Ф.Платоновым, возмущался А.Е.Пресняков,²¹⁰ который даже искал способ организовать защиту В.И.Веретенникова в Москве.²¹¹

Таким образом, несмотря на напряженность отношений между учеными в профессиональном общении, этический момент оставался значимым. Как мы дальше увидим, изменение историографической ситуации после революционных потрясений 1917 г. и кончина А.С.Лаппо-Данилевского разрушили барьер между С.Ф.Платоновым и школой А.С.Лаппо-Данилевского.

Кроме «эмпирического» направления С.Ф.Платонова в Санкт-Петербургском университете, рядом со школой А.С.Лаппо-Данилевского работал Н.И.Кареев, по праву занявший видное место в истории русской социологии и теории истории. «Теоретичность» подхода Н.И.Кареева к историческому знанию позволила В.П.Корзун даже отнести его к «социологическому» направлению петербургской школы,²¹² а В.П.Золотарев даже назвал А.С.Лаппо-Данилевского «в некоторой степени учеником Н.И.Кареева».²¹³ Насколько это обоснованно и каковы были научные и личные отношения А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева? Этот вопрос мы попытались подробно осветить в одной из статей,²¹⁴ здесь лишь кратко обозначим основные моменты взаимоотношений ученых. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский познакомились, по-видимому, в 1885 г. вскоре после начала преподавания Н.И.Кареева на историко-филологическом факультете университета, где в то время заканчивал курс А.С.Лаппо-Данилевский. Молодого преподавателя и студента сблизил интерес к теоретическим проблемам исторического знания. В 1919 г. Н.И.Кареев так вспоминал свое первое общение с А.С.Лаппо-Данилевским: «Я познакомился с А.С.Лаппо-Данилевским... когда он был еще студентом... уже тогда его интересовали эти вопросы [теории истории. — *Е.Р.*], он о них думал и имел относительно их определенные мнения. К сожалению, я не помню содержания одного из первых наших разговоров, но в моей памяти сохранилось, что тема была историко-философская, что мой молодой собеседник сам начал этот разговор, развивал в нем какую-то общую мысль, какую излагал так сказать в алгебраических выражениях».²¹⁵ Впрочем, эти разговоры не вели к сближению позиций собеседников. Как замечал Н.И.Кареев, «так как мы оба были не охотниками до прений, а по многим пунктам наши взгляды не совпали, то с течением времени и наши беседы становились все более и более редкими».²¹⁶ Хотя в теоретических трудах А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева и присутствуют ссылки на работы друг друга, но по существу они носят лишь библиографический, справочный характер.²¹⁷ Правомерно предположить, что взгляды А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева развивались параллельно, не воздействуя непосредственно друг на друга. Здесь следует учитывать и то обстоятельство, что Н.И.Кареев был учеником В.И.Герье и прошел школу Московского университета.²¹⁸ Именно это обстоятельство, с нашей точки зрения, во многом предопределило и различие их подходов к вопросам теории истории. Если для Н.И.Кареева теория истории — это прежде всего занятие философией истории и теорией исторического процесса (историологией),²¹⁹ то для А.С.Лаппо-Данилевского — это занятие ее методологией и методикой. Во многом именно поэтому само отношение ученых к теории исторического знания было различным. Если в системе А.С.Лаппо-Данилевского теория истории как бы «обслуживает» решение задач исторического построения и источниковедения,²²⁰ то у Н.И.Кареева — она вырабатывает основные задачи исторической науки и предлагает их решение.²²¹ Однако, несмотря на видимую отдаленность в своих теоретических воззрениях, оба историка все-таки принадлежали к довольно

малочисленной в то время группе теоретиков исторического знания в России и, как отмечено выше, особенно резко в этом отношении они выбивались из среды ученых Санкт-Петербургского университета. Это обстоятельство во многом предопределило и «невольный союз» Н.И.Кареева и А.С.Лаппо-Данилевского в университете и других научных учреждениях Петербурга в 1890 — 1910-х гг.

Н.И.Кареев начал преподавание в Санкт-Петербургском университете в 1885 г. В столице ученый оказался в новой для себя среде петербургской исторической школы. От того, как сложатся отношения «новичка» с господствующим в столице научным направлением, зависело многое в судьбе историка. Начало фактического конфликта между В.Г.Васильевским и его школой, а также С.Ф.Платоновым и «русскими историками» следует отнести к 1889 г. (упомянутый выше скандал с созданием Исторического общества при университете). Негативное представление о Н.И.Карееве прочно сформировалось не только у «русских историков», но и у младшего поколения, прежде всего в среде многочисленных учеников С.Ф.Платонова. В частности, А.Е.Пресняков, один из наиболее ярких представителей этой плеяды, явно под влиянием учителя, не стеснялся в оценках Н.И.Кареева: «<...> добродушный, упитанный, очень недалекий буржуа, которого неподходящее для него положение “ученого” делает мелочным, самолюбивым и бестактным, в университетских отношениях» или: «Кареев — чванное животное».²²² В свою очередь и Н.И.Кареев не упускал случая «показать характер». В ноябре 1896 г. произошёл новый конфликт между «русскими историками» и Н.И.Кареевым, который под надуманным предлогом отказался оппонировать Н.Д.Чечулину на его докторском диспуте при защите диссертации,²²³ а в 1898 г. произошел широко известный в историографии казус с отказом Н.И.Кареева принять магистерский экзамен у ученика С.Ф.Платонова Н.П.Павлова-Сильванского, который счел это решение несправедливым и отказался от переэкзаменовки, что самым пагубным образом отразилось на его научной карьере.²²⁴ Неудивительно, что и увольнение Н.И.Кареева из университета по политическим мотивам в 1899 г. не встретило особого «протеста» у большинства «платоновцев».

Иной характер приняли отношения Н.И.Кареева с А.С.Лаппо-Данилевским. Как показано выше, А.С.Лаппо-Данилевский не только не поддержал «русских историков» в конфликте, произошедшем в Историческом обществе, но и согласился войти в его новый комитет, возглавляемый Н.И.Кареевым. Возможно, этот конфликт послужил одной из причин отхода самого А.С.Лаппо-Данилевского от Кружка русских историков. В то же время А.С.Лаппо-Данилевский весьма скептически отзывался о научной деятельности и организаторских способностях Н.И.Кареева. Уже после начала деятельности Общества (в декабре 1889 г.) А.С.Лаппо-Данилевский писал М.А.Дьяконову: «Было у нас вчера заседание исторического общества, коего я секретарь. В общем не дурно, только Кареев председатель плохой». Вскоре А.С.Лаппо-Данилевский нелестно высказался и о докладе Н.И.Кареева на заседании Общества: «Кареев убил всех наповал изложением взглядов (разумеется чужих) на историю средних

веков до наших дней. Элементарно и скучно!»²²⁵ Вообще А.С.Лаппо-Данилевский считал, что «К[ареев], хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская».²²⁶ В то же время, в отличие от С.Ф.Платонова и «русских историков», А.С.Лаппо-Данилевскому удалось не только сохранить с Н.И.Кареевым хорошие личные отношения, но и приобрести в его лице союзника в своих научных проектах и академических предприятиях. Возможно, этому способствовали и общность их политических (либеральных) взглядов, и маргинальное положение «теоретиков» в среде историков.

Период некоторого осложнения отношений А.С.Лаппо-Данилевского с Н.И.Кареевым приходится на середину 1890-х гг. Причина заключалась в чрезмерном самолюбии Н.И.Кареева, который обиделся на А.С.Лаппо-Данилевского за то, что тот занял место председателя «Бесед по проблемам факультетского преподавания», на которое Н.И.Кареев очень рассчитывал. Н.Н.Платонова описывала ситуацию следующим образом: «Студенты (все это происходило у Форстена), после горячих пререканий (кажется, состоявших в том, что большинство резко восстало против предложенного кем-то в председатели Кареева) выбрали председателем Лаппо-Данилевского. На другой день А.И.Введенский и Л[аппо]-Дан[илевский] просили ректора содействовать возрождению общества. Ректор обещал свое сочувствие и содействие, но что из этого выйдет неизвестно. Интересно, что Кареев, узнав о выборе Л[аппо]-Дан[илевского] в председатели, перестал с ним разговаривать. Вот странное честолюбие и крайняя мелочность!»²²⁷ В связи с этим конфликтом А.Е.Пресняков, бывший одним из основных организаторов Общества, замечал про Н.И.Кареева: «На наше новое общество он фыркает и, видимо, обижен, что его обогнали. Но что делать, он был бы там прямо вреден своей претензией всюду играть первую роль, которая ему не по чину».²²⁸

Значимой вехой в отношениях ученых стал 1899 год. А.С.Лаппо-Данилевский был глубоко возмущен отстранением Н.И.Кареева от университетского преподавания, равно как и ситуацией в университете в целом. По его словам, «не было ни одного факта достаточного, чтобы вызвать подобную расправу».²²⁹ Несмотря на то, что как раз в это время решался вопрос о его членстве в Академии наук, А.С.Лаппо-Данилевский не стеснялся навещать опального профессора²³⁰ и, не скрывая своего резко негативного отношения ко всему происходящему, заявлял, что «наука становится лишней в наших университетах».²³¹

А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева в условиях Санкт-Петербургского университета объединяло и положение теоретиков и общие оппоненты (прежде всего С.Ф.Платонов и его сторонники) в научно-административных битвах того времени. Неслучайно, когда в 1915 г. праздновался 25-летний юбилей педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареев обратился к юбиляру с поздравительным письмом, в котором отметил основные вехи их сотрудничества и взаимодействия в науке: работа в Историческом обществе при университете, магистерский диспут А.С.Лаппо-Данилевского (на котором Н.И.Кареев выступил официальным оппонентом), издание Н.И.Кареевым документов «парижских

секций» (в академических изданиях по протекции А.С.Лаппо-Данилевского), совместная работа в комитете по подготовке Международного исторического съезда.²³² А.С.Лаппо-Данилевский (который с середины 1900-х гг. фактически принимал основные кадровые решения на Историко-филологическом отделении Академии (ИФО) в области истории), способствовал в 1909 г. избранию Н.И.Кареева членом-корреспондентом Академии, хотя и воздерживался от его рекомендации в ее действительные члены.

Можно предположить, что ни Н.И.Карееву, ни А.С.Лаппо-Данилевскому так и не удалось стать полностью «своими» по отношению к большинству в петербургской школе историков, в определенном смысле ученым приходилось «лабиринтировать» между различными течениями внутри школы, и этим обусловлены их «союзнические отношения». В этой связи интересно наблюдение из лагеря «оппонентов». Н.Н.Платонова замечает, что Ольденбургский кружок относится к Н.И.Карееву «отрицательно, но поддерживает с ним отношения, так как видит в нем полезное орудие для достижения своих целей».²³³

Говоря о формировании особого научного направления А.С.Лаппо-Данилевского, нельзя обойти тему сложных взаимоотношений А.С.Лаппо-Данилевского с московской школой и ее лидерами — В.О.Ключевским и П.Н.Милюковым.

Отношение к В.О.Ключевскому старшего поколения петербургской школы, к которому, как отмечено выше, принадлежали А.А.Куник, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.Г.Васильевский, Е.Е.Замысловский и другие, всегда было, по крайней мере, настороженным. Характерно, например, скептическое отношение К.Н.Бестужева-Рюмина к «Боярской думе Древней Руси»²³⁴ (докторской диссертации В.О.Ключевского).²³⁵ Как показал С.Н.Валк, с 40–50-х гг. XIX в. для петербуржцев оставались чуждыми «схемы московской школы»,²³⁶ петербургская школа не считала русскую науку готовой к всеобъемлющему синтезу, оставалась сосредоточенной на анализе исторических источников. По мнению П.Н.Милюкова, перелом в отношениях между школами наступил только в конце 1880-х — начале 1890-х гг. с появлением нового поколения петербуржцев, по-новому относившегося к задачам синтеза и, в связи с этим, к «направлению В.О.Ключевского».²³⁷

Как известно, методологическая система В.О.Ключевского была ориентирована прежде всего на решение задачи синтеза русской истории, выявление законов ее развития, определение ее общей схемы. В основе взгляда В.О.Ключевского на методологию был исследовательский прагматизм, но он не ограничивался (как у С.Ф.Платонова) решением задачи восстановления факта, а шел дальше — к решению проблемы синтеза «местной истории» в рамках позитивистской модели теории истории. Историческая методология понималась как совокупность приемов изучения, которые разнообразны в зависимости от поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. Предмет же исторической науки, согласно В.О.Ключевскому, — «происхождение, развитие и свойства людских союзов».²³⁸ «Объективный метод» исторического изучения

поэтому заключается, по определению ученого, в том, чтобы все исторические явления представить как часть этого движения. По мысли лидера московской школы, изучение исторических явлений должно строиться «сверху вниз», т.е. от верховной власти к низшим слоям населения. В.О.Ключевский утверждал, что такой порядок изучения дает возможность сводить явления того или другого разряда (т.е. явления политические, юридические и экономические) «в особую обобщающую формулу», а из отдельных формул можно вывести «общую схему нашей истории». В курсе русской истории этот метод изучения В.О.Ключевский называл «социологическим» и прямо связывал с общей задачей выведения законов функционирования общества. Примечательно, что и задачи исторической критики В.О.Ключевский полностью подчинял «объективному методу», считая критику источников (о методике которой речь шла выше) лишь первой ступенью исторической критики, верхняя ступень которой (т.н. высшая историческая критика) как раз и связана с выявлением исторической закономерности явлений.²³⁹

В своем «Курсе русской истории» (читавшемся им в 1890-е гг. в Историко-филологическом институте) А.С.Лаппо-Данилевский ограничивается лишь кратким изложением «теории колонизации» В.О.Ключевского, воздерживаясь от того, чтобы давать ей оценку.²⁴⁰ Правда, в последнем издании лекций А.С.Лаппо-Данилевского (1897) после изложения «схемы» В.О.Ключевского появляется примечательный критический пассаж: «<...> в этой схеме, как видно, В.О.Ключевский опускает духовные факторы нашего развития, а отсюда и взаимодействие между различными основными проявлениями древнерусской жизни, и ее эволюция в целом недостаточно выяснены; позднейшие периоды нашей истории к тому же обрисованы слишком слабо: намечены, быть может, лишь некоторые из ее особенностей, а не ее основания».²⁴¹ В читаемом А.С.Лаппо-Данилевским в то же время курсе историографии В.О.Ключевский, наряду с С.М.Соловьевым, характеризуется как «представитель последнего — современного нам — направления», которое «рассматривает русскую народность как организм, развивающийся путем перерождения частных норм в общие (государственные)».²⁴²

У А.С.Лаппо-Данилевского есть и несколько специальных очерков, посвященных В.О.Ключевскому. Первый из них относится к 1900 г. Это «Записка об ученых трудах профессора Императорского Московского университета В.О.Ключевского», составленная А.С.Лаппо-Данилевским²⁴³ от имени ряда академиков и явившаяся формальной рекомендацией для избрания В.О.Ключевского в состав действительных членов Академии наук.

В «Записке...» деятельность В.О.Ключевского рассматривается прежде всего как ученика С.М.Соловьева и сторонника «органической теории». Интересно, что среди достоинств кандидата А.С.Лаппо-Данилевский выделял, однако, иные стороны профессиональной деятельности и научного метода В.О.Ключевского — те, которые были близки ему самому. Так, особое внимание А.С.Лаппо-Данилевский уделил работе В.О.Ключевского над древнерусскими житиями (магистерская диссертация

«Древнерусские жития святых как исторический источник»²⁴⁴). По словам А.С.Лаппо-Данилевского, В.О.Ключевский «обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления» и «мастерски пользовался обломками старины для воспроизведения целого». Примечательно, что, как отметил А.С.Лаппо-Данилевский, самого В.О.Ключевского как раз это исследование не удовлетворило, поскольку не дало ожидаемого материала для разработки теории «колонизации». Импонировали А.С.Лаппо-Данилевскому и иные специально-исторические изыскания кандидата, которые, конечно, для самого В.О.Ключевского носили периферийный характер, например выяснение вопроса о «ценности рубля». А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул ценность работ ученого, посвященных истории XVII—XVIII вв., где, по его словам, В.О.Ключевский обратился к анализу западных влияний на русскую культуру, к исследованию религиозных представлений людей Московской Руси и выявил «значение идеи возникшей у некоторых из русских людей того времени под влиянием падения Константинополя», рассмотрел вопрос о роли церкви в обществе. А.С.Лаппо-Данилевский как бы подчеркивал своим изложением, что исследование сознания народа и «истории идей» оказалось более продуктивным в научной деятельности В.О.Ключевского, нежели социально-экономическая проблематика и тема «колонизации».²⁴⁵

После смерти В.О.Ключевского А.С.Лаппо-Данилевский принял участие в ряде мероприятий, посвященных памяти покойного ученого. Так, в 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступил с речами, посвященными В.О.Ключевскому, на заседаниях секции русской истории Исторического общества при Санкт-Петербургском университете²⁴⁶ и XV Археологического съезда. В последнем выступлении А.С.Лаппо-Данилевский особо остановился на роли В.О.Ключевского как «главы московской исторической школы», к которой он отнес П.Н.Милюкова, А.А.Кизеветера, В.Н.Сторожева, Я.Л.Барскова, М.М.Богословского, Н.А.Рожкова и М.Н.Покровского, и, что примечательно, подчеркнул влияние В.О.Ключевского на труды своих петербургских коллег — М.А.Дьяконова и С.Ф.Платонова.²⁴⁷ А.С.Лаппо-Данилевский также явился автором двух публикаций, посвященных памяти В.О.Ключевского. Статья «Памяти Василия Осиповича Ключевского» была опубликована два раза: сначала в журнале «Вестник Европы»,²⁴⁸ затем в сборнике «В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания» под названием «Исторические взгляды В.О.Ключевского»,²⁴⁹ другая публикация — некролог, читанный в общем собрании Академии и помещенный в ее «Известиях» (1911).²⁵⁰ А.Н.Цамутали первый в литературе обратил внимание на критическое отношение А.С.Лаппо-Данилевского к теоретическим взглядам В.О.Ключевского, которое скрывалось за внешне почтительным тоном, соответствующим жанру статьи «Исторические взгляды...».²⁵¹ Действительно, А.С.Лаппо-Данилевский, анализируя систему взглядов В.О.Ключевского, подчеркивал, «социологичность» его точки зрения на историю, зависимость его схемы от взглядов С.М.Соловьева. Примечательно, что А.С.Лаппо-Данилевский явно критически относился как раз к тому, чем, по его словам, В.О.Ключевский «пополнил схему, принятую

Соловьевым», а именно положением о доминирующей роли социальных и экономических факторов в истории. Одновременно А.С.Лаппо-Данилевский, правда, обратил внимание и на то, что было позитивного в творчестве В.О.Ключевского с точки зрения его собственной системы. В.О.Ключевский не отрицал значения «духовных факторов», роли тех идей в истории, которые имеют «общепризнанное» или историческое значение. Особо импонирует А.С.Лаппо-Данилевскому сам принцип целостного синтетического взгляда на историю, сочетание разработки теории и конкретно-исторических исследований. А.С.Лаппо-Данилевский отмечал как достоинство схемы В.О.Ключевского (в сравнении с С.М.Соловьевым), что он стремится показать «индивидуальный» характер русской истории, т.е. в решении этой задачи становится на близкую А.С.Лаппо-Данилевскому «индивидуализирующую» точку зрения.²⁵² В некрологе, помещенном в «Известиях», А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивает достоинства конкретно-исторических работ В.О.Ключевского. В частности, он отмечает, что последний хотел «понять наше прошлое с собственно исторической точки зрения, в значительной степени соподчиняя ей ту социологическую схему, с которой он приступил к своим исследованиям».²⁵³ Высоко ценил А.С.Лаппо-Данилевский и «редкий дар слова», присущий покойному ученому, его способность к художественному воскрешению истории.²⁵⁴

Таким образом, хотя А.С.Лаппо-Данилевскому импонирует сама постановка вопросов теории исторического знания и он готов был принять те конкретно-исторические выводы В.О.Ключевского, которые подчиняли общую «социологическую схему», базовые принципы, лежащие в основе методологии научной работы В.О.Ключевского, являлись для его петербургского коллеги совершенно чуждыми.

Различное видение задач исторической науки, по-видимому, вело к тому, что «точек соприкосновения» (или «столкновения») научных интересов В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского тоже было немного. Познакомились ученые, видимо, в начале 1890-х гг., и, по всей вероятности, их отношения всегда носили только официальный характер. В ходе конфликта вокруг диссертации П.Н.Милокова А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, занял сторону последнего и наряду с С.Ф.Платоновым оказал содействие в напечатании в Петербурге работы «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого».²⁵⁵

Общие научные интересы и задачи А.С.Лаппо-Данилевского и В.О.Ключевского были прежде всего связаны с совместной деятельностью историков в Академии наук. Несомненно, однако, что их отношения носили уважительный, но более отчужденный характер, чем у В.О.Ключевского с С.Ф.Платоновым. Возможно, это связано с началом сотрудничества в составе ИФО А.С.Лаппо-Данилевского и В.О.Ключевского. В Академию наук историки были избраны почти одновременно. А.С.Лаппо-Данилевский в 1899 г. был избран адъюнктом, В.О.Ключевский — в конце 1900 г. ординарным академиком ИФО вне штата (а в 1908 г. еще и почетным академиком разряда изящной словесности Академии наук).

Существуют разные точки зрения относительно того, почему В.О.Ключевский не был избран в штат Академии сразу после того, как освободи-

лась в 1899 г. вакансия после кончины А.А.Куника. Р.А.Киреева, например, считает, что дело заключалось в том, что В.О.Ключевский не хотел переезжать из Москвы.²⁵⁶ Эта точка зрения вызывает некоторые сомнения. В «Материалах к биографии Васильевского» И.М.Гревс пишет по этому поводу, что выбирать иногородних В.С.Иконникова и В.О.Ключевского «было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освободилось только место адъюнкта», и описывает усилия В.Г.Васильевского по избранию именно А.С.Лаппо-Данилевского.²⁵⁷ Сам А.С.Лаппо-Данилевский в письме к М.А.Дьяконову разъясняет ситуацию следующим образом: «Вы пишете об Иконникове и Ключевском... выяснилось, что в уставе есть параграф, в силу которого можно быть избранным лишь в адъюнкты, из которых заслуживающие сего переизбираются в э[кстраординарные] и о[рдинарные] академики».²⁵⁸ В упомянутой выше «Записке...», составленной А.С.Лаппо-Данилевским для рекомендации В.О.Ключевского в Академию, указывается, что предложение В.О.Ключевского в «иногородние ординарные академики» (т.е. за штатом), связано с «отсутствием второй ординатуры по истории».²⁵⁹ Оценивая эти пояснения, следует иметь в виду, что внутри Академии «штатные» члены обладали равными правами, а продвижение из адъюнктов в академики являлось чисто технической процедурой, занимающей 2–3 года. Так, А.С.Лаппо-Данилевский стал экстраординарным академиком уже в 1902 г. Примечательно, что и с освобождением штатной ординатуры в ИФО в 1904 г., после смерти Н.Ф.Дубровина, она не была предложена В.О.Ключевскому. Штатным ординарным академиком стал А.С.Лаппо-Данилевский. По-видимому, петербургские академики (старшее поколение школы), выбирая между С.Ф.Платоновым и А.С.Лаппо-Данилевским, изначально не склонны были всерьез рассматривать возможность избрания «варяга» В.О.Ключевского в штат «своего» ученого учреждения. С другой стороны, при отсутствии вакансии в состав Академии можно было избрать только «вне штата», т.е. «с оставлением в прежней должности», что и было сделано в 1900 г. в виде «утешительного приза» в отношении В.О.Ключевского и Ф.И.Успенского,²⁶⁰ который тоже претендовал первоначально на место А.А.Куника.²⁶¹ Можно предположить, что эта история с избранием в академики наряду с научно-теоретическими разногласиями предопределила отчасти и характер сотрудничества ученых в составе Академии.

Единственным опытом этого сотрудничества стала попытка А.С.Лаппо-Данилевского привлечь В.О.Ключевского к своему основному проекту в Академии — изданию грамот Коллегии экономии. Однако В.О.Ключевский предложил печатать акты не по уездам (в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке.²⁶² «Расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, — писал В.О.Ключевский А.С.Лаппо-Данилевскому, — специальными практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших, в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения». Одновременно В.О.Ключевский предлагал составить к

изданию географический указатель с распределением актов по уездам.²⁶³ Для А.С.Лаппо-Данилевского этот прагматический подход, конечно, приемлем не был — с позиций его методологии, грамоты следовало расположить в «систематическом целом», т.е. печатать их по уездам в хронологической последовательности.²⁶⁴ После этого эпизода В.О.Ключевский фактически самоустранился от деятельности Отделения. Так, в 1906 г. он отказался от поручения Комиссии Академии по присуждению премий графа Уварова — рецензирования сочинения М.С.Грушевского «Очерк истории украинского народа».²⁶⁵ Сам по себе формальный отказ от выполнения поручения Академии под предлогом занятости другими делами (в университете)²⁶⁶ со стороны ее действительного члена — случай беспрецедентный. Следует иметь в виду, что комиссиями по присуждению премий графа Уварова по сочинениям по русской истории фактически руководил А.С.Лаппо-Данилевский²⁶⁷ (кстати, симпатизировавший М.С.Грушевскому).²⁶⁸ По-видимому, В.О.Ключевский не хотел играть «вторую скрипку» в ИФО, следуя политике А.С.Лаппо-Данилевского, что и недвусмысленно давал понять. Тем не менее вряд ли обоснованно говорить о каком-то формальном «разрыве» в отношениях В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского. Так, несмотря на свое фактическое неучастие в делах отделения, В.О.Ключевский пытался помочь А.С.Лаппо-Данилевскому в переговорах с директором Московского архива министерства юстиции Д.Я.Самоквасовым по поводу запланированного Академией издания «Материалов по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду», хранившихся в этом архиве. Редактором издания являлся ученик В.О.Ключевского В.Н.Сторожев. У последнего так же, как и у А.С.Лаппо-Данилевского (курировавшего издание от Академии), сложились конфликтные отношения с Д.Я.Самоквасовым, который был известен своим нетерпимым отношением к любым публикациям материалов своего архива, осуществлявшимся помимо него самого.²⁶⁹ В.Н.Сторожеву директором был даже запрещен вход в архив. В.О.Ключевский пытался, по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского, смягчить позицию Д.Я.Самоквасова, но последний заявил ему, что «этого запрета», наложенного на В.Н.Сторожева «за какой-то поступок с архивными документами», «не может отменить ни он, директор, ни сам министр юстиции», о чем В.О.Ключевский с долей иронии и сообщил А.С.Лаппо-Данилевскому.²⁷⁰ В то же время В.О.Ключевский добился от Д.Я.Самоквасова обещания предоставить «все удобства» для другого лица помимо В.Н.Сторожева, который будет готовить это издание для Академии. По всей вероятности, ни А.С.Лаппо-Данилевского, ни ИФО такой компромисс не устроил, и работа над изданием «Материалов...» была продолжена В.Н.Сторожевым только после смерти Д.Я.Самоквасова (1911 г.), что привело к 12-ти летнему перерыву между их первым и вторым выпусками.²⁷¹ Судя по этому эпизоду, отношения между учеными при всей их отдаленности друг от друга оставались корректными и даже учтивыми. Последний раз А.С.Лаппо-Данилевский и В.О.Ключевский, по-видимому, встречались в 1909 г. в Москве — в дневнике В.О.Ключевского сохранилась запись²⁷² о разговоре по теме, в изучении которой их научные интересы смыкались, — истории сословий.²⁷³

Если концептуальное видение русского исторического процесса П.Н.Милюкова отличалось от такового В.О.Ключевского, то методология его научной работы в целом соответствовала направлению учителя. Недаром первое и базовое теоретическое положение «Очерков по истории русской культуры» связано с распространением «понятий закономерности и эволюции из области естественных наук в область наук гуманитарных».²⁷⁴ Как следствие, П.Н.Милюков всячески подчеркивает свою «социологическую точку зрения» на исторический процесс.²⁷⁵ Отношение П.Н.Милюкова к методологии научной работы петербургской школы довольно ясно проявилось уже в начале 1890-х гг., когда он обвинил петербургских историков, сосредоточенных на «источниковедческих и историографических» темах, в односторонности, высказав мнение вполне в стиле школы В.О.Ключевского о том, что «критическая оценка источника [речь шла об исследовании С.М.Середонина сочинения Д.Флетчера «О государстве Русском». — *Е.Р.*]... должна не предварять реальное изучение, а быть выводом из него или, по крайней мере, идти с ним об руку».²⁷⁶ Посчитав, что «среди самих последователей школы уже заметно сознание односторонности изображенного направления и делаются попытки вернуться к реальному изучению», неудачу сочинения С.М.Середонина П.Н.Милюков связал с тем, «что старая закваска школы не совсем выдохлась и продолжает оказывать вредное влияние на исследователей, это особенно ярко видно на примере разбираемого исследования».²⁷⁷ Вот как отреагировала на такую постановку вопроса о «школах» Н.Н.Платонова (запись от 28 февраля 1892 г.): «В этой [февральской. — *Е.Р.*]... книжке Русск[ой] Мысли помещена очень странная рецензия Милюкова на книгу Середонина, которая (книга) якобы доказывает, что петерб[ургская] школа (историческая) раскаялась в своих прежних заблуждениях и решила обратиться на путь истинный. Васильевский и С.Ф. [Платонов] недовольны этой рецензией».²⁷⁸ Отметим, что в последующих высказываниях П.Н.Милюкова именно С.Ф.Платонов относился им к новому поколению петербургской школы, перенявшему московские традиции,²⁷⁹ хотя С.Ф.Платонов же, напротив, предпочитал ощущать себя главой школы «восстановления прав источника и факта», полностью разделив такую характеристику петроградской исторической школы, данную в 1918 г. его учеником А.Е.Пресняковым.²⁸⁰ В известной статье «Источники русской истории и историография» (1899) П.Н.Милюков вновь упрекал петербургских историков, последователей К.Н.Бестужева-Рюмина, в том, что в их работах «ученое творчество отступает... на задний план перед осторожным эклектизмом: критика источников получает перевес над пользованием ими».²⁸¹

В конечном итоге именно методологические разногласия (наряду с противоречиями личного характера), с нашей точки зрения, предопределили и фактический разрыв отношений А.С.Лаппо-Данилевского с П.Н.Милюковым, отношений, которые завязались в конце 1880-х гг. почти на дружеском уровне. Одно из писем этого времени А.С.Лаппо-Данилевский начинает, например, такими словами: «Не хочу обращаться к Вам

с титулов: многоуважаемый, титулов, которыми мы называем так много официальных и неофициальных, патентованных и непатентованных олухов. Не смею сказать дорогой, но, не кривя душой, могу написать: симпатичный мне, Павел Николаевич!»²⁸²

Первую реакцию П.Н.Милюкова на «Организацию прямого обложения...» А.С.Лаппо-Данилевского находим в письме к С.Ф.Платонову (май 1890 г.): «Книга [Лаппо-]Данилевского мне очень понравилась; я готов признать, что выражается он часто очень неумело и туманно, но не согласен, чтоб можно было книгу сократить страниц на 200: ведь он, в сущности, слишком мало и так раскрывает свой материал. Во всяком случае, и тема и материал выбраны очень удачно... — он совладал с темой и дал много совсем нового и важного».²⁸³ Аналогичен тон первой краткой рецензии П.Н.Милюкова, вышедшей вскоре после публикации книги, в которой он дал очень высокую оценку работы А.С.Лаппо-Данилевского, однако отмечал: «<...> автору удалось сделать весьма крупный вклад в русскую историческую литературу. Совершенного нет под луной, и в работе г. А.С.Лаппо-Данилевского найдутся недостатки»,²⁸⁴ наиболее важный из которых рецензент усмотрел в статическом изложении: «<...> явления разных моментов XVII в. получают в изложении автора слишком однозначную окраску. Поэтому следует пожелать, чтобы автор... рядом с *системой*... написал и *историю* русского государственного хозяйства XVII в.».²⁸⁵

Вторая, развернутая, рецензия П.Н.Милюкова («Спорные вопросы финансовой истории Московского государства») стала важнейшим историографическим фактом.²⁸⁶ По просьбе Академии наук П.Н.Милюков представил отзыв на «Организацию прямого обложения...», поданную на премию графа Уварова 1891 г. Некоторые исследователи (например С.Б.Веселовский, один из младших учеников В.О.Ключевского) считали даже, что цена рецензии «гораздо выше цены той работы на которую она писалась».²⁸⁷ С.Ф.Платонов тотчас после ее появления просил позволения П.Н.Милюкова «ввести ее в употребление в аудитории в листах теперь же» и сожалел, что «ей суждено быть только рецензией, а не монографией für sich und an sich [для себя и в себе. — *Е.Р.*]».²⁸⁸ В этом специальном труде, посвященном анализу книги А.С.Лаппо-Данилевского, можно выделить два принципиальных возражения против его методологии исторического исследования: во-первых, рецензент подверг критике автора за то, что он не изучал финансовую систему в целом, а только проблему прямого налогообложения, в то же время далеко выходя за рамки заявленной темы; во-вторых, указал на внутреннюю противоречивость изложения, связанную с тем, что «однообразная схема» А.С.Лаппо-Данилевского не соответствовала излагаемому им материалу. П.Н.Милюков, в частности, писал: «<...> потребность отыскивать общий смысл в изучаемых... деталях явления составляет, конечно, одну из самых симпатичных сторон исследования автора, но, к сожалению, его общие точки зрения не всегда стоят в органической связи с детальным исследованием, не вытекая непосредственно из материала».²⁸⁹ Рецензент подверг критике именно те частные выводы А.С.Лаппо-Данилевского,

которые не соответствовали концепции государственной школы. Одновременно автор «Спорных вопросов...» настаивал на необходимости рассмотрения системы налогообложения в контексте эволюционного развития ее институтов (что соответствовало установкам позитивистской историографии). П.Н.Милюков оценивал исследование петербургского ученого с точки зрения традиционных представлений московской школы о структуре научного труда и о роли теории, определяющей порядок работы с историческим материалом.

В полемику с П.Н.Милюковым вступил М.А.Дьяконов, опубликовавший специальную «рецензию на рецензию».²⁹⁰ Прежде всего, М.А.Дьяконов не согласился с мнением П.Н.Милюкова о том, что А.С.Лаппо-Данилевский ошибочно строит выводы на подборе единичных фактов и, таким образом, часто приходит к заключениям, противоречащим общей идее книги. М.А.Дьяконов, в частности, указал на то, что подобная постановка вопроса П.Н.Милюковым дает повод к методологическим недоумениям, так как нет «иного способа изучать тот или иной порядок, как путем наблюдения практики, т.е. изучения отдельных фактов». Задавшись вопросом, «удалось ли г. Милюкову по всем вопросам найти и лучше исследовать источники и прийти к более бесспорным выводам?»,²⁹¹ М.А.Дьяконов подверг сомнению ряд источниковедческих изысканий П.Н.Милюкова, лежащих в основе критики построений А.С.Лаппо-Данилевского.

Таким образом, при внешней схожести историографической критики С.Ф.Платонова и П.Н.Милюкова их методологические мотивации различались. С.Ф.Платонов критиковал А.С.Лаппо-Данилевского за чрезмерное следование общей схеме, П.Н.Милюков — за недостаточное увязывание «общих точек зрения» с «конкретным материалом». С разных позиций оба рецензента в негативном плане отнесли А.С.Лаппо-Данилевского к историко-юридической школе, и эта оценка прочно закрепилась в историографии.

После опубликования рецензии П.Н.Милюкова А.С.Лаппо-Данилевский фактически прекратил с ним отношения и не скрывал явной антипатии к своему оппоненту. В дневнике Н.Н.Платоновой (январь 1893 г.) рассказывается о рауте у В.Г.Дружинина: «<...> был там и Лаппо-Данилевский, который, в разговоре о Милюкове, назвал его глупым и прямо дураком за его речь на диспуте, ответ на рецензию Безобразова и, наконец, за его академическую рецензию на книгу Л[апп]п[о-] Дан[илевско]го». Н.Н.Платонова, которая к тому времени, по-видимому, «разочаровалась» в П.Н.Милюкове, в целом сочувственно отозвалась на этот раз о его критике: «<...> мне все-таки жаль, что я теперь не вижу и не говорю с Лаппо-Дан[илевски]м: по-моему, он хоть грубый и неотесанный человек, но все-таки интересный».²⁹²

Положение А.С.Лаппо-Данилевского в кругу коллег на начальном этапе его карьеры определялось рядом различных факторов. Уже в студенческие и магистрантские годы проявились такие черты характера А.С.Лаппо-Данилевского, как замкнутость, крайне критическое отношение к работам коллег, болезненное самолюбие, которые сочетались с беззавет-

ной преданностью научному труду, системностью мышления, восприятием науки как неотъемлемой части культурной традиции. Философское осмысление мира заменило А.С.Лаппо-Данилевскому религию, научная работа воспринималась им как этический долг. Эти свойства натуры А.С.Лаппо-Данилевского предопределили критическое восприятие им существующей научной традиции, желание дать «новое освещение основным принципам науки». А.С.Лаппо-Данилевского не только в теоретическом плане не удовлетворяло ни одно из современных ему течений в исторической мысли, но в профессиональном и личном отношении не устраивали основные научные школы: московская и то направление петербургской школы, которое было связано с именем С.Ф.Платонова. А.С.Лаппо-Данилевский, очевидно, пытался совместить строгие источниковедческие принципы предшествующего поколения школы с занятиями теорией истории и социальных наук.

До 90-х гг. XIX столетия в российской историографии цельного изложения системы теории и методологии истории просто не существовало, хотя со времен Н.И.Надеждина и Т.Н.Грановского теоретические вопросы периодически обсуждались. В начале 1890-х гг. В.С.Иконников, автор классического «Опыта русской историографии», характеризуя положение в этой области научной литературы, писал: «<...> мы доселе не имеем... *строгаго метода* и... довольно ясного сознания настоящих целей нашей науки... при современном состоянии науки, все еще приходится разбирать элементарные вопросы, на которые не стоит тратить труда в других сферах знания... история, как наука, еще не определилась окончательно, т.е. не успела выработать ни твердо устоявшегося *метода*, ни точно определенных общих *законов*, управляющих историческою жизнью человечества... настоящей так наз. *теории истории* даже нет». ²⁹³ Ему вторил А.Е.Пресняков, в пафосном стиле заявив (в статье 1895 г.): «Отличительной чертой научного движения XIX века считается разработка и широкое применение исторического метода. Но каков научный метод самой исторической науки, где его основы? У нас нет удовлетворительной методологии, нет даже установленного определения исторической науки. Все это слишком известные факты, чтобы на них останавливаться». ²⁹⁴

Круг идей, к которому, главным образом, обращались теоретики исторического знания рубежа веков, известен: гегельянство, позитивизм и неокантианство. К представителям русского неокантианства начала XX века традиционно относят А.И.Введенского, И.И.Лапшина, Г.И.Челпанова, П.И.Новгородцева, Л.И.Петражицкого, Б.А.Кистяковского и ряд других видных мыслителей. ²⁹⁵ Наряду с А.С.Лаппо-Данилевским к русским историкам-неокантианцам причисляют, прежде всего, В.М.Хвостова, М.М.Хвостова, Д.М.Петрушевского и Н.М.Бубнова. ²⁹⁶ Обращение отечественных историков к неокантианской философии было общим с их европейскими коллегами и бесспорно связано с попытками преодолеть кризис позитивистского понимания предмета и метода истории, ²⁹⁷ который со всей четкостью обозначился в конце XIX века после появле-

ния работ Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля и В.Дильтея. Суть задачи, стоящей перед историками, заключалась в обеспечении легитимизации истории как науки в условиях, когда теоретическая несостоятельность старой доброй формулы Л. фон Ранке о том, что история «это то, что было на самом деле», была уже очевидна. Во французской историографии вызов приняли представители «методической школы», в немецкой Э.Мейер, ²⁹⁸ Э.Бернгейм, ²⁹⁹ И.Г.Дройзен, ³⁰⁰ в итальянской Б.Кроче, ³⁰¹ в английской Р.Коллингвуд. ³⁰² В русской историографии единственную законченную модель исторического знания, основанную на неокантианской философии истории, сформулировал А.С.Лаппо-Данилевский.

Осознание необходимости теоретического обоснования принципов исторической науки привело в последние десятилетия XIX в. к институционализации методологии истории как научной и учебной дисциплины в европейских, в том числе российских, университетах. ³⁰³ Каноническим стал знаменитый курс «Методы исторического исследования», читаемый Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобосом в Сорбонне. ³⁰⁴ Несколько параллельных курсов методологии истории начинает читаться и в российских высших учебных заведениях. ³⁰⁵ Можно предположить, что «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского родилась благодаря удачному совпадению «академического заказа» с теми теоретическими задачами, которые сам ученый ставил перед собой.

Как отмечалось выше, на раннем этапе методологических поисков А.С.Лаппо-Данилевского он скорее отталкивался от позитивистского, «органистического» понимания хода исторического процесса. Однако уже первые крупные конкретно-исторические работы ученого вызвали критику, которая показала уязвимость построений А.С.Лаппо-Данилевского, вызванную как раз тем, что общетеоретические представления о ходе исторического процесса были слабо увязаны с конкретно-историческими выводами, получаемыми в ходе исследования, проведенного в традициях петербургской школы. Впрочем, уже ранние опыты А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствуют и о поиске нового подхода в самом построении системы методологии. В одном из писем 1894 г. историк формулирует его так: «Я думаю о том, что первая часть моей методологии должна сильно развивать способности студентов к анализу. К анализу стремятся теперь все науки, он не только важен как орудие мысли, которым мы рассееаем непроницаемые для нашего сознания в их целом массы грубого материала, но имеет громадное значение и потому, что из этих мелких частей (и чем меньше, тем лучше) можно построить здание логически гораздо более цельное». ³⁰⁶ Таким образом, не только кризис позитивистской модели теории истории конца XIX в., но и «индивидуализирующий» характер исторического познания, присущий петербургской научной традиции, с неизбежностью подвел А.С.Лаппо-Данилевского к преодолению позитивизма (в начале 1900-х гг.) ³⁰⁷ и к попытке создания неокантианской системы исторического знания, а на ее основе — научно-исследовательской программы, основные элементы которой мы попытаемся осветить во второй главе книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О гимназических годах А.С.Лаппо-Данилевского см.: *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.13-17.

² Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч.1. С.408.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Студенческие сочинения] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.1-109. См. также: Годовой отчет по имп. Санкт-Петербургскому университету за 1882 г. /Сост. Э.Р.Вреден. СПб., 1883. С.29; Отчет по Санкт-Петербургскому университету за 1882 год /С прил. речи В.И.Васильева; Сост. Ю.Э.Янсоном. СПб., 1883. С.32.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.408.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Несколько сведений, сообщенных иностранными писателями о Северо-Западной России и отношения ее к Западу // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.114-122; *он же.* Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. № 5. С.21-38 отд. паг.; *он же.* Дворники Московского государства за XVII столетие // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.156-164; *он же.* Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. № 9. С.66-106 отд. паг.; *он же.* Литовские и казачьи воровские шайки в первое десятилетие царя Михаила // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.165-235; *он же.* Разбой и разбойники первой половины XVII столетия в Московском государстве // Там же. Л.237-265

⁶ См.: Правительственный вестник. 1885. 11 декабря; Архангельские губернские ведомости. 1886. 4 января.

⁷ Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.408

⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.110-113.

⁹ См.: *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.2. С.97-104.

¹⁰ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн.6. С.59; *он же.* За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С.82. См.: Отчет по Санкт-Петербургскому университету за 1882 год. С.50-51; Отчет о состоянии имп. Санкт-Петербургского университета и деятельности его учебного сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года ординарным профессором Ю.В.Сохоцким // Годичный акт имп. Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1884 г. СПб., 1885. С.28; Отчет о состоянии имп. Санкт-Петербургского университета за 1884 год, читанный на годичном акте 8 февраля 1885 г. экстраординарным профессором бароном В.Р.Розеном // Годичный акт имп. Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1885 г. СПб., 1885. С.32-33.

¹¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Конспект речи, посвященной задачам студенческого объединения] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.12-16.

¹² Материалы студенческого Научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.4,13.

¹³ Устав студенческого Научно-литературного общества. § 10 // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.108. Л.6.

¹⁴ Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.4.

¹⁵ См.: *Гревс И.М.* За культуру. С. 83.

¹⁶ Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.3 об.-4 об.

¹⁷ *Шаховской Д.И.* Письма о братстве /Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. М.—СПб., 1992. Вып.2. С.283.

¹⁸ См.: *Жуковская Т.Н.* Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX—XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы международной конф. (2—5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С.346.

¹⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1887. Т.4. (Отд. отт.: СПб., 1887).

²⁰ *Мищенко Ф.Г.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ЖМНП. 1888. № 9. С.211,219 отд. паг.

²¹ Ответ А.С.Лаппо-Данилевского на методологическую критику Ф.Г.Мищенко см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Заметка по поводу статьи Ф.Г.Мищенко о «Скифских древностях» // ЖМНП. 1888. № 11. С.162-172 отд. паг.

²² *Полевой П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ИВ. 1887. № 7. С.209,210.

²³ Протоколы заседания Совета Историко-филологического факультета // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.16032. Л.15 об.,17 об.

²⁴ [Лаппо-Данилевский А.С.]. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. СПб., 1896. Т.1. А—Л. С.364.

²⁵ *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». Пг., 1920. С.6.

²⁶ См., например: *Левандовский А.А.* Т.Н.Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С.214 и др.

²⁷ *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.10-14.

²⁸ Ср.: Там же. С.15.

²⁹ *Платонов С.Ф.* [Подготовительные материалы к речи по случаю годовщины смерти В.Г.Васильевского] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1527. Л.6.

³⁰ *Платонов С.Ф.* Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // РИЖ. 1922. Кн.8. С.227. О методе «критического изучения источников» К.Н.Бестужева-Рюмина см.: *Киреева Р.А.* Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С.342-347.

³¹ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. [1889 г.] // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.22-23 об.

³² А.С.Лаппо-Данилевский — П.Н.Милокову. 4 и 6 декабря 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.10 об.

³³ А.С.Лаппо-Данилевский — В.И.Вернадскому. 1880-е гг. // АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.923. Л.19-20 об.

³⁴ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. [1889 г.] // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.21 об.-22.

³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. 6 февраля 1891 г. // Там же. Л.57 об.-58.

³⁶ А.С.Лаппо-Данилевский — Е. Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.23 об.

³⁷ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. 15 мая 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.68.

³⁸ См. в частности: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [СПб., 1922. С.22; *Валк С.Н.* [Выступление на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.114-115; *Чирков С.В.* Археология и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.22-24; *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.18-20,22,53-54,115; *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.44,45,50-51,53.

³⁹ С.Ф.Платонов — К.Н.Бестужеву-Рюмину. 8 января 1883 г. Копия // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1716. Л.4 об.-5.

⁴⁰ С.Ф.Платонов — К.Н.Бестужеву-Рюмину. 30 ноября 1883 г. Копия // Там же. Л.8 об.

⁴¹ Адрес О.Ф.Миллеру по случаю 25-летия его преподавательской деятельности // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.1931. Л.1.

⁴² *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.42. См.: *Киреева Р.А.* К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С.225.

⁴³ Подробнее см.: *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.58-59. О роли А.С.Лаппо-Данилевского в Ольденбургском кружке см.: *Корзун В.П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.257-258. Вообще о «Приютинском братстве» и об обширной литературе, посвященной ему, см.: *Шаховской Д.И.* Письма о братстве. С.175.

⁴⁴ Там же. С.283. О радикальном направлении в Научно-литературном обществе см.: *Чеботарева И.Н.* Воспоминания об Александре Ульянове и Петербургском студенчестве 1883-1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963. Т.1. С.224.

⁴⁵ См.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.18.

⁴⁶ *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // ДД. 1921. Кн.2. С.132. Ср.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.25.

⁴⁷ Сохранилась, например, записка А.С.Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонову следующего содержания: «Многоуважаемый Сергей Федорович! У Вас кажется есть Жур[нал] Мин[истерства] Нар[родного] Пр[освещения] за Сентябрь. Сделайте одолжение, если возможно, дайте его мне на короткий срок. Я не могу его нигде достать, а между тем хорошо бы прочесть рецензии Мищенко, которой внимательно еще не читал. Если можно такое дело устроить, то не отвечайте мне, я зайду за книгой в среду вечером; если нельзя, то уведоьте что бы не совершать мне длинной прогулки; теперь мне время дорого. Досадно только, что экзамен придется держать не 17, а 24 сент[ября]» (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120. Л.3).

⁴⁸ См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.126.

⁴⁹ А.С.Лаппо-Данилевский — С.Ф.Платонову. Декабрь 1887 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120. Л.1.

⁵⁰ А.С.Лаппо-Данилевский — С.Ф.Платонову. 30 августа 1889 г. // Там же. Л.5.

- ⁵¹ М.А.Дьяконов – С.Ф.Платонову. 1889 г. // Там же. Д.2856. Л.42,45 и др.
- ⁵² Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. С.262.
- ⁵³ О теплых отношениях с учителями свидетельствуют переписка и воспоминания С.Ф.Платонова. Последний среди других преподавателей особо выделяет отношение к нему Е.Е.Замысловского. См.: С.Ф.Платонов – К.Н.Бестужеву-Рюмину. 30 ноября 1883 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1716. Л.8 об.; Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний... С.129.
- ⁵⁴ См. об этом, например: Мамонтова М.А. С.Ф.Платонов: поиск модели исторического исследования: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С.20-21.
- ⁵⁵ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905. Ср.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Соч. В 2-х т. СПб., 1993. Т.1. С.55-56.
- ⁵⁶ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Об этой работе С.Ф.Платонова см.: Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С.99.
- ⁵⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С.40.
- ⁵⁸ Там же. С.39.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Чумаченко Э.Г. В.О.Ключевский – источниковед. М., 1970. С.151.
- ⁶¹ См.: Голосенко И.А. В.О.Ключевский: историк и социолог // Социологические исследования. 1993. № 9. С.113-114. Ср.: Попов А.С. Социологическая методология отечественной истории: Историографические очерки. Пенза, 1999. С.29-44.
- ⁶² См.: Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т.2; Слонимский А.Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Уч. зап. исторического факультета Талджикского гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып.1; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975. С.43-44.
- ⁶³ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие, 1889–1914 гг. // ИО. 1915. Т.20. С.188 отд. паг.
- ⁶⁴ Устав Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете // Там же. 1890. Т.1. С.12-16 отд. паг.
- ⁶⁵ Демина Л.И. «Записки» Е.Ф.Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.253; Есенгараев Е.Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (на материалах исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- ⁶⁶ Устав Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете. С.14 отд. паг.
- ⁶⁷ Там же. С.16 отд. паг.
- ⁶⁸ Там же. С.17 отд. паг.
- ⁶⁹ Цит. по: Слонимский А.Г. Указ. соч. С.33.
- ⁷⁰ Протокол второго (экстренного) собрания членов-учредителей // ИО. 1890. Т.1. С.18-19 отд. паг.
- ⁷¹ Там же. С.18 отд. паг.
- ⁷² Там же. С.5-11 отд. паг.
- ⁷³ Кареев Н.И. [Речь на третьем заседании общего собрания Исторического общества] // Там же. С.5 отд. паг.
- ⁷⁴ Там же. С.5-6,8 отд. паг.
- ⁷⁵ См.: Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.112.
- ⁷⁶ Ср.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С.10-13; Чирков С.В. Археология и школы... С.21-22.
- ⁷⁷ Введение. Главы 1, 2, 3, 4, 5: Податные классы, Раскладка подати, Взимание подати, Особенности в отправлении некоторых податных обязанностей, Распределение поступлений по центральным учреждениям. Заключение.
- ⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 44-76.
- ⁷⁹ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 16 апреля 1890 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.10 об.
- ⁸⁰ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 12 мая 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.27-32.
- ⁸¹ Платонов С.Ф. [Отзыв на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1371. Л.11.
- ⁸² Исторические диспуты // ИО. 1890. Т.1. С.293. Ср.: Диспут в С.-Петербургском университете // НВ. 1890. 10 мая.
- ⁸³ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 12 мая 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.27-32.

- ⁸⁴ См.: С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 10 мая 1890 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.15 об.-16.
- ⁸⁵ [Платонов С.Ф.]. Новые монографии по истории русского права // ЮЛ. 1890. № 11. С.417-418. Следует отметить, что и сам Н.Д.Чечулин выступил с критической заметкой относительно методики использования писцовых книг в диссертации А.С.Лаппо-Данилевского (см.: Чечулин Н.Д. К вопросу о населенности посадского двора // ЖМНП. 1891. № 3. С.18-29 отд. паг.).
- ⁸⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 4 и 6 декабря 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.10 об.
- ⁸⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 24 сентября 1889 г. // Там же. Л.2.
- ⁸⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 12 октября 1889 г. // Там же. Л.4 об.
- ⁸⁹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.22.
- ⁹⁰ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.7.
- ⁹¹ Платонова Н.Н. Дневник // Там же. Л.8 об.
- ⁹² Платонова Н.Н. Дневник // Там же. Л.20.
- ⁹³ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 18 сентября 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.37.
- ⁹⁴ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.21.
- ⁹⁵ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 24 января 1891 г. // ГАРФ. Ф. 579. Оп.1. Д. 5388. Л.38-38 об.
- ⁹⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 6 февраля 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.58 об.
- ⁹⁷ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.42 об. О значении, которое придавалось «русскими историками» отсутствию на заседаниях А.С.Лаппо-Данилевского, свидетельствует та тщательность, с которой Н.Н.Платонова отмечала каждый случай отсутствия А.С.Лаппо-Данилевского на общих собраниях кружка (официальных обедах и годовых собраниях): 1) 14 февраля 1891 г.; 2) 27 октября 1891 г.; 3) 9 января 1892 г.; 4) 10 февраля 1892 г. (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.42 об., 67,81 об,87).
- ⁹⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 15 мая 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.79.
- ⁹⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 июня 1891 г. // Там же. Л.62.
- ¹⁰⁰ С.Ф.Платонов – М.А.Дьяконову. 28 октября 1891 г. // АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.64 об.
- ¹⁰¹ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.38 об.-39.
- ¹⁰² А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.32 об.-33.
- ¹⁰³ Обзорение преподавания наук в имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на осеннее и весеннее полугодия 1890–1918 гг. СПб. [160 Пг.], 1890–1918. Ср.: Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890–1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн.6. С.42-43.
- ¹⁰⁴ См.: Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.407. Воспоминания и впечатления учеников А.С.Лаппо-Данилевского об этих занятиях см. Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С.Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 3; Валк С.Н. Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн.6; Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же.
- ¹⁰⁵ В августе 1890 г. С.Ф. Платонов официально по просьбе Е.Е.Замысловского уведомил А.С.Лаппо-Данилевского о том, что Е.Е.Замысловский и он, С.Ф.Платонов, рекомендовали его на освобождающееся место в Историко-филологический институт (См.: С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 28 августа 1890 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.1-1 об.
- ¹⁰⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Октябрь 1890 г. // Там же. Д.4. Л.19 об.-20.
- ¹⁰⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Бекарюковой (Лаппо-Данилевской). Июнь 1891 г. // Там же. Д.10. Л.15-15 об.
- ¹⁰⁸ Шилов А.А., Андреев А.И. Указ. соч. С.42.
- ¹⁰⁹ Платонов С.Ф. Программа лекций по русской истории 1892/93 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1513. Л.47-49 об. (материал семи первых лекций курса в значительной степени посвящен рассмотрению историографии); он же. Соловьев и Кавелин. Происхождение и падение их исторических теорий. Публичная лекция. Конспект и программы // Там же. Д.1515.
- ¹¹⁰ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.22.
- ¹¹¹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Ноябрь 1890 г. // Там же. Д.4. Л.22-22 об.
- ¹¹² А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 19 января 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.54.
- ¹¹³ Ср.: Брочев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С.68-69.
- ¹¹⁴ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.73.
- ¹¹⁵ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.121 об.-122. Ср.: Брочев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.67.

- ¹¹⁶ См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.87 об.-88.
- ¹¹⁷ *Платонова Н.Н.* Дневник // Там же. Д.5691. Л.67 об.-68.
- ¹¹⁸ *Гревс И.М.* За культуру. С.88.
- ¹¹⁹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 8 марта 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об. См. также: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.34 об-35.
- ¹²⁰ См.: А.Е.Пресняков – матери. 8 марта 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об.-21
- ¹²¹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 6 апреля 1894 г. // Там же. Л.36-37.
- ¹²² А.Е.Пресняков – матери. 15 сентября 1894 г. // Там же. Л.58 об.
- ¹²³ А.Е.Пресняков – матери. 24 ноября 1894 г. // Там же. Л.110-110 об. А.Е.Пресняков сделал доклад о книге П.Лакомба «De l'histoire considerée comme science» 22 ноября 1894 г. (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.23,35 об). Доклад также вышел (благодаря содействию С.Ф.Платонова) в виде рецензии в ЖМНП см.: *Пресняков А.Е.* Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. № 1. С.188-210 отд. паг. – Рец. на: Lacombe P. De l'histoire considerée comme science. Paris, 1894. Ср.: *Чирков С.В.* Проникновенный источник: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XVIII – начало XX века. С.558-559.
- ¹²⁴ Проект правил для организации научных бесед студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.5-5 об.
- ¹²⁵ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // Там же. Л.39.
- ¹²⁶ «Протоколы излишни» – отметил в одной из записок, посвященных организации бесед, А.С.Лаппо-Данилевский (Там же. Л.7).
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же. Л.54,72,118 и др.
- ¹²⁹ С 1896 г. окончательно определился их порядок (Там же. Л.41). Младшие курсы (I и II) избирали своего представителя ежегодно, представители отделений избирались в два года по одному человеку от каждого отделения, на тот же срок выдвигали двух своих представителей «оставшиеся при университете».
- ¹³⁰ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.81,82.
- ¹³¹ Там же. Л.82.
- ¹³² Там же. Л.95-98.
- ¹³³ Там же. Л.99.
- ¹³⁴ Там же. Л.97-98 об.
- ¹³⁵ Принят Советом Санкт-Петербургского университета 20 октября 1903 г. (Там же. Л.99).
- ¹³⁶ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // Там же. Л.101-102,105-107,109-112.
- ¹³⁷ Там же. Л.115-115 об.
- ¹³⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.2.
- ¹³⁹ Там же. Оп.2. Д.75. Л.120.
- ¹⁴⁰ *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка. С.269.
- ¹⁴¹ *Свердлов М.Б.* А.Е.Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.514.
- ¹⁴² С.Ф.Платонов – Константину Константиновичу. Январь 1908 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1809. Л.5.
- ¹⁴³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.23.
- ¹⁴⁴ А.Е.Пресняков – матери. 4 октября 1892 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.103-103 об.
- ¹⁴⁵ А.Е.Пресняков – матери. 17 января 1892 г. // Там же. Л.177.
- ¹⁴⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.19 об.-20.
- ¹⁴⁷ А.Е.Пресняков – матери. 29 сентября 1893 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.294 об.
- ¹⁴⁸ А.Е.Пресняков – матери. 29 сентября 1893 г. // Там же. Л.294 об.
- ¹⁴⁹ А.Е.Пресняков – матери. 6 ноября 1893 г. // Там же. Л.311 об.
- ¹⁵⁰ См.: А.Е.Пресняков – матери. 15 сентября 1894 г. // Там же. Д.2. Л.58.
- ¹⁵¹ См. письма А.Е.Преснякова к матери (Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об.-21,31 об.-32,36-36 об.,58 об.,61-61 об.,64,82,90-90 об.,110-111 об.).
- ¹⁵² Цит. по: *Кан А.С.* Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.87.
- ¹⁵³ Цит. по: *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995. С.19.
- ¹⁵⁴ А.Е.Пресняков – матери. 23 октября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.87.
- ¹⁵⁵ А.Е.Пресняков – матери. 17 марта 1894 г. // Там же. Л.23.
- ¹⁵⁶ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.26-27 об.
- ¹⁵⁷ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.28 об.-29. Об этом эпизоде см. также: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.43.

- ¹⁵⁸ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.29-29 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Л.29.
- ¹⁶⁰ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.31-31 об.
- ¹⁶¹ А.Е.Пресняков – матери. 6 апреля 1894 г. // Там же. Л.36-37.
- ¹⁶² ЛЗАК за 1888–1894 гг. СПб., 1903. Вып.ХІ. С.184.
- ¹⁶³ *Чирков С.В.* А.С.Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. С.264.
- ¹⁶⁴ ЛЗАК за 1888–1894 гг. Вып.ХІ. С.128,169-170,177; То же за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып.ХІІ. С.26-27,66-67.
- ¹⁶⁵ [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг] / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду /Изд. имп. Археографической комиссии; Под ред. и предисл. А.С.Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.ХVII (сборный). С. VIII–XIII.
- ¹⁶⁶ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Вып.ІХ. С.84.
- ¹⁶⁷ См.: ЛЗАК за 1901 г. СПб., 1902 г. Вып.ХІV. С.3-4. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.44.
- ¹⁶⁸ См. также: Состав Археографической комиссии на 1 января 1919 [с указанием времени привлечения к ее деятельности участвующих в ней лиц] // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1919. Вып.ХХХІ. С.24-25.
- ¹⁶⁹ См.: *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.123-123 об. Poleмика вокруг переиздания «Актов Археографической экспедиции» нашла косвенное отражение в официальных протоколах комиссии, хотя фамилия А.С.Лаппо-Данилевского в них и не упоминается. Комиссия затягивала решение вопроса о печатании актов по изданию П.М.Строева (ЛЗАК за 1905 год. СПб., 1907. Вып.ХVІІІ. С.15-16,20-22; То же за 1906 год. СПб., 1908. Вып.ХІХ. С.60). Такое решение было принято по предложению С.Ф.Платонова только в 1909 г. (см. ЛЗАК за 1909 год. СПб., 1910. Вып.ХХІІ. С.38-40; Архив П.М.Строева. Пг., 1915. Т.1).
- ¹⁷⁰ См.: *Брачев В.С.* Петербургская археологическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998. С.88.
- ¹⁷¹ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.125.
- ¹⁷² С.Ф.Платонов – Константину Константиновичу. За 1904–1915 гг. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1806–1817.
- ¹⁷³ См. письма С.Ф.Платонова ректору университета А.Х.Гольмстену по вопросам формирования преподавательского состава за 1900–1905 гг. (черновики) (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1750).
- ¹⁷⁴ Общий устав имп. российских университетов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1884. Т.ІV. Ст.99. С.468. Ср.: *Жебелев С.А.* Ученые степени в прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып.ІІІ. С.155.
- ¹⁷⁵ С.Ф.Платонов – А.Х.Гольмстену. 11 декабря 1900 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1750. Л.11. Особые усилия С.Ф.Платонов приложил к успешному решению дела И.М.Гревса, о чем свидетельствует их переписка за 1900–1902 гг. (см.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2714. Л.13-22 об.,24,28).
- ¹⁷⁶ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.187.
- ¹⁷⁷ О возможности своего ухода А.С.Лаппо-Данилевский писал жене в связи с увольнением из университета И.М.Гревса (А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Август 1899 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.65 об.).
- ¹⁷⁸ Общий устав имп. российских университетов. Ст.108. С.469.
- ¹⁷⁹ Обозрение преподавания наук в имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на осеннее и весеннее полугодия 1907–1918 гг. СПб. [Пг.], 1907–1918.
- ¹⁸⁰ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.69; *он же.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256,257.
- ¹⁸¹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 17 сентября 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.64 об.-65. Примечательно, что преподавание вел. кн. князьям (Иоанну и Гавриилу) собственно истории А.С.Лаппо-Данилевский поручил А.Е.Преснякову (А.Е.Пресняков – матери. 11 октября 1899 г.; 21 октября 1899 г.; 31 октября 1899 г.; 12 ноября 1899 г. // Там же. Л.71,73,75-75 об.,77 об.,82).
- ¹⁸² Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. С.5.
- ¹⁸³ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.88 об.-89.
- ¹⁸⁴ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.23 об.
- ¹⁸⁵ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Академии наук за 1900–1917 гг. СПб. [Пг.], 1900–1917 (далее – Протоколы заседаний ИФО АН).
- ¹⁸⁶ Материалы по организации IV Международного съезда историков // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94.
- ¹⁸⁷ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие, 1889–1914 гг. С.206–212; Протоколы заседаний [Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете] // ИО. 1890–1915. Т.1–20.
- ¹⁸⁸ См. главу 2.
- ¹⁸⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – С.Ф.Платонову. 14 февраля 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1.

Д.1120. Л.39-39 об.; С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. Черновик. 15 февраля 1903 г. // Там же. Л.40.

¹⁹⁰ *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.53.

¹⁹¹ Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук в 1909 г. // ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.17-17 об. О неудовлетворенности С.Ф.Платонова своим «низким» положением в Академии и о критическом отношении к ее «действительным» членам неоднократно упоминает в своем дневнике его жена (см.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5695. Л.71-72,109; Д.5698. Л.87 об.-89; Д.5701. Л.104 об.).

¹⁹² ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.36.

¹⁹³ Там же. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.173-173 об.

¹⁹⁴ *Тараторкин Ф.Г.* А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания истории России на английском языке // АЕ за 1994. С.270-273; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.127.

¹⁹⁵ С.Ф.Платонова – Ф.А.Голдеру. Декабрь 1923 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1749.

¹⁹⁶ *Platonov S.F.* History of Russia. N. Y., 1925.

¹⁹⁷ Об этом свидетельствует, в частности, характер высказываний С.Ф.Платонова о вел. кн. Николае Михайловиче в 1915 году в письме вел. кн. Константину Константиновичу (см.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1817. Л.6 об.).

¹⁹⁸ См. черновики писем С.Ф.Платонова помощнику председателя Русского исторического общества А.Н.Куломзину, где он мотивирует свою отставку несогласием с действиями председателя общества (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1828. Л.1 об.-2,5).

¹⁹⁹ *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С.52-53.

²⁰⁰ ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1919. Вып. XXXI.

²⁰¹ *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. С.18-20,22,53-54.

²⁰² Там же. С.22,115.

²⁰³ Ср.: *Корзун В.П., Свешиников А.В., Мамонтова М.А.* Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков как исторического источника) // Письма русских историков (С.Ф.Платонов, П.Н.Милоков) / Под ред. В.П.Корзун. Омск, 2003. С.30.

²⁰⁴ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.59; *он же.* За культуру. С.82.

²⁰⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Март 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.37.

²⁰⁶ Б.А.Романов, Б.В.Александров – С.Ф.Платонову. 25 августа 1918 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Д.2069. Л.3 об.

²⁰⁷ См. Введение.

²⁰⁸ С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 1910 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1831. Л.2; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.3-4. См. также письма В.И.Веретенникова С.Ф.Платонову по поводу диспута, где В.И.Веретенников, отвечая С.Ф.Платонову, специально излагает положительное заключение А.С.Лаппо-Данилевского относительно своего сочинения (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2488. Л.4-9).

²⁰⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.15. Л.1-2.

²¹⁰ См.: А.Е.Пресняков – Ю.П.Пресняковой. 9 января 1910 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.9. Л.351-352.

²¹¹ См.: А.Е.Пресняков – Ю.П.Пресняковой. 11 января 1910 г. // Там же. Л.355-355 об.

²¹² *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000. С.89.

²¹³ *Золотарев В.П.* Общая теория истории в понимании Н.И.Кареева // ННИ. 2003. № 2. С.31.

²¹⁴ *Ростовцев Е.А.* Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в свете петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121. См. также: *Синицын О.В.* Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С.Лаппо-Данилевского в оценке Н.И.Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.143-147.

²¹⁵ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн.6. С.112. См. также: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.188.

²¹⁶ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.112.

²¹⁷ См., например: *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1907. С.447; *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып.1. С.25,197,214,249,252,255,257,269.

²¹⁸ Ср.: *Дунаева Ю.В.* Западно-европейская история в исторической концепции Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С.16.

²¹⁹ См.: *Гнатюк Л.В.* Теория исторического процесса, социология, философия истории Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И.Кареева. Л., 1988; *Корейнюк Ю.Г.* Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Сафронов Б.Г.* Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1995 и др.

²²⁰ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения-97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.413-416.

²²¹ См.: *Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915. С.309-316. О теоретических взглядах Н.И.Кареева существует обширная литература. В частности, см.: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. *Сафронов Б.Г.* Н.И.Кареев о структуре исторического знания.

²²² См.: А.Е.Пресняков – матери. 16 ноября 1892 г.; 30 сентября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.125-125 об.; Д.2. Л.69-69 об.

²²³ См.: А.Е.Пресняков – матери. 3 ноября 1896 г. // Там же. Д.3. Л.66-67

²²⁴ См. *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.623.

²²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 22 декабря 1889 г.; 1 февраля 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.11 об.,50 об.

²²⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.32 об.-33

²²⁷ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.34 об.-35.

²²⁸ А.Е.Пресняков – матери. 30 сентября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.69-69 об.

²²⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 сентября 1899 г. // Там же. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.98.

²³⁰ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – Н.И.Карееву. 1 декабря 1899 г. // НИОР РГБ. Ф.119. К.10. Д.30. Л.1.

²³¹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 сентября 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.99 об.

²³² Н.И.Кареев – А.С.Лаппо-Данилевскому. Май 1915 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.177. Л.9 об.

²³³ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.69-69 об.

²³⁴ *Ключевский В.О.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1881.

²³⁵ См.: *Цамутали А.Н.* В.О.Ключевский и русские историки // Ключевский: Сб. материалов. Пенза. 1995. Вып.1. С.283.

²³⁶ *Валк С.Н.* Историческая наука в Санкт-Петербургском университете за 125 лет. С.3-79.

²³⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.1. С.161-163. Подробный анализ взглядов П.Н.Милокова относительно «петербургской школы» см.: *Трибунский П.А.* П.Н.Милоков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып.1. С.5-12.

²³⁸ *Ключевский В.О.* Методология русской истории. 1884-85 академический год // *Ключевский В.О.* Собр. соч. в 9-ти т. М., 1989. Т.6. Специальные исторические работы. С.9.

²³⁹ Там же. С.88. Ср.: *Киреева Р.А.* Послесловие // Там же. С.436-481; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.263-267.

²⁴⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1890/91. Литография. СПб., [1891]. С.142-143; *он же.* Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1892/93. Литография. СПб., [1892]. С.158-159.

²⁴¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1896-7 учебном году. Литография. СПб., [1897]. С.107.

²⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской историографии, читанные студентам имп. Историко-филологического института в 1891-92 acad. году. Литография. СПб., [1892].

²⁴³ *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900. Приложение III к протоколу заседания ИФО 26 апреля 1900 г. Эта «Записка...» не включалась в списки трудов А.С.Лаппо-Данилевского, но о принадлежности ее А.С.Лаппо-Данилевскому свидетельствует пометка, сделанная его рукой, на оттиске «Записки...», хранящемся в его фонде: «Составлен мною А.С. Л-Д» (ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.399. Л.1).

²⁴⁴ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

²⁴⁵ *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского.

²⁴⁶ Протоколы секции русской истории от 5 октября 1911 г. по 10 декабря 1914 г. // ИО. 1915. Т.20. С.127. Ср.: Протокол 45 заседания секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете. 5 октября 1911 г. // Архив СПб. ИИ РАН Ф.193. Оп.3. Д.1. Л.3.

²⁴⁷ См.: ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.244. Л.3.

²⁴⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Памяти Василия Осиповича Ключевского // ВЕ. 1911. № 8. С.337-353.

²⁴⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О.Ключевского // В.О.Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.100-116.

²⁵⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* В.О.Ключевский. Некролог // ИАН. 1911. VI серия. Т.V, № 13. С.921-924.

- ²⁵¹ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С.146-150
- ²⁵² *Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О.Ключевского. С.115.
- ²⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С.* В.О.Ключевский. Некролог. С.923
- ²⁵⁴ Там же.
- ²⁵⁵ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. С.61.
- ²⁵⁶ *Киреева Р.А.* За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII – начало XX века. С.434.
- ²⁵⁷ *Гревс И.М.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256-257
- ²⁵⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 16 мая 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.102 об.
- ²⁵⁹ *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского.
- ²⁶⁰ Всеподданнейшие доклады по министерству народного просвещения. Доклад 439, 440 // РГИА. Ф.744. Оп.1. Д.172. Л.75-76 об. Об отношении современников к такому выбору Академии свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что министр народного просвещения Н.П.Богослов, получив от имени конференции Академии представление об избрании В.О.Ключевского, подчеркнул в документе слова «был избран вне штата» и «с оставлением в занимаемых им должностях» и сделал на полях пометку карандашом: «Согласен ли проф. Ключевский?» (см.: РГИА. Ф.733. Оп.122. Д.1611. Л.330-330 об.).
- ²⁶¹ *Гревс И.М.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22.
- ²⁶² См.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.86.
- ²⁶³ В.О.Ключевский – в Академию наук. [1900–1901 гг.]. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.192.
- ²⁶⁴ См.: Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
- ²⁶⁵ В.О. Ключевский – Комиссии по присуждению наград гр. Уварова при имп. Академии наук. 1906 г. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С.205.
- ²⁶⁶ См.: Там же.
- ²⁶⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.218-224.
- ²⁶⁸ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Грушевскому. 30 сентября 1906 г. // «Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности». Письма А.С.Лаппо-Данилевского М.С.Грушевскому. 1905–1914 гг. / Публ. И.Б.Матяш // ИА. 2002. № 4. С.140.
- ²⁶⁹ См.: *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С.200,320-321 и др.
- ²⁷⁰ В.О.Ключевский – А.С.Лаппо-Данилевскому. 28 мая 1906 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.189. Л.1.
- ²⁷¹ См.: Материалы по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб., 1906. Вып.1; Пг., 1918. Вып.2.
- ²⁷² См. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С.533.
- ²⁷³ Ср.: *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С.146; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С.533-534.
- ²⁷⁴ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1993. Т.1. С.40.
- ²⁷⁵ Там же. С.36-65.
- ²⁷⁶ См.: *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // РМ. 1892. № 2. С.64-66 отд. паг. Ср.: *Трибунский П.А.* П.Н.Милоков о петербургской исторической школе. С.5-12.
- ²⁷⁷ См.: *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера...С.65 отд. паг.
- ²⁷⁸ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.90-90 об.
- ²⁷⁹ См.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.161-163.
- ²⁸⁰ См.: *Платонов С.Ф.* Рец. на: Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн.8. С.99-100.
- ²⁸¹ См.: *Милоков П.Н.* Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь /Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. Т.ХХVIII, полумом. С.444.
- ²⁸² А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 24 сентября 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.1.
- ²⁸³ П.Н.Милоков – С.Ф.Платонову. Между 10 и 23 мая 1890 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.14.
- ²⁸⁴ *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РМ. 1890. № 9. С.413 отд. паг.

- ²⁸⁵ Там же. С.414 отд. паг.
- ²⁸⁶ *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892; Отчет о XXXIII присуждении наград графа Уварова. СПб., 1892.
- ²⁸⁷ См.: *Веселовский С.Б.* Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований // *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С.286.
- ²⁸⁸ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 12 сентября 1892 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.89-89 об.
- ²⁸⁹ *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С.155.
- ²⁹⁰ *Дьяконов М. А.* Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892 // ЖМНП. 1893. № 7.
- ²⁹¹ Там же. С.203-204 отд. паг.
- ²⁹² *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.9 об.
- ²⁹³ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т.1, кн.1. С.29-30.
- ²⁹⁴ *Пресняков А.Е.* Новый труд по теории исторической науки. С.188 отд. паг.
- ²⁹⁵ См., например: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т.II, ч.1. С.225-253; Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С.255-282 и др.
- ²⁹⁶ См., например: *Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1995; *он же.* Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999-2000. Ч.1-2.
- ²⁹⁷ См. об этом, например: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С.9-10,220-268.
- ²⁹⁸ См., например: *Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911.
- ²⁹⁹ См. например: *Берггейм Э.* Введение в историческую науку. М., 1908.
- ³⁰⁰ *Droysen J.G.* Grundriss der Historik. Berlin, 1882.
- ³⁰¹ См., например: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998.
- ³⁰² См., например: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- ³⁰³ *Ростовцев Е.А.* Учебный курс методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция-98. Тезисы докладов. СПб., 1998. Ч.1. С.46.
- ³⁰⁴ *Прост А.* Двенадцать уроков истории. М., 2000. С.6.
- ³⁰⁵ См.: *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.
- ³⁰⁶ Цит. по: *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002. С.99.
- ³⁰⁷ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О.Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С.394-490.